

1964

22 января

Начал короткую в поллиста статью о Лермонтове для массовой библиотеки избранного Лермонтова в "Гослите".

Книга Голосовкера¹ о титанах, его переводы греков и римлян – явление большой значимости и культуры. То, что такая работа остаётся незамеченной, есть свидетельство сплошного одичания, катастрофа!

23 января

Два стихотворения Пушкина примерно на одну тему, в одном ключе. Первое – пушкинское, гениальное «Дорожные жалобы». Второе – совершенно непушкинское, посредственное «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Зато оно необыкновенно популярно – не по заслугам. Очень характерная история.

Писал статью о Лермонтове.

Брошюра Годорского² о Тухачевском (присланная автором) малоинтересна; не рассказано и не освещено главное: история гибели Тухачевского и других командиров, уже достаточно подробно известная. <...>

24 января

Стихотворение Беллы³ «Гостить у художника» (о Ю. Васильеве⁴) – безгранично по горизонту. Впрочем, как решительно всё у неё. Как всегда и везде, она видит с избытком (т.е. и лишнее) и, что ещё важнее, успевает виденное зафиксировать для других и для всех: свойство родственное Пастернаку.

Её проза: «Бабушка» – смесь «манеры» (т. е. манерности) с какой-то бесстыдной гениальностью! В целом же – слава богу, что это вообще есть и будет, обречённое расти, ветвиться, усложняться и упрощаться.

25 января

Андрей⁵ на студенческие каникулы уехал куда-то между Казанью и Свердловском. Получил из Ленинграда из "Библиотеки поэта" обработанный там текст моей большой статьи о Лермонтове и отзывы на неё. <...> Всё приму в расчёт, предстоит немалая и важная работа.

Закончил статью о Лермонтове. Кажется, не ахти!

У Фишей⁶ читал в исправленном виде стихи из «Кубка Большого Орла». Это было ошибкой: все помнят старый текст и туго воспринимали то, что я сделал теперь (считаю необходимым и правильным). <...> Белла читала кусок из «Родословной» и сразу положила на обе лопатки всех и всё!

26 января

Белла принесла "Юность" с поэмой «Моя родословная». Я вырвал из журнала и сброшюровал отдельно.

Читаю книгу Голосовкера о титанах. Его личная безудержная фантазия пытается приспособить своё богатство для детского чтения (изд-во "Детгиз"). Это ошибка. То же

самое он может изложить куда более спокойно и научно. Ошибка, но не вина. Ведь издательство Академии наук не примет его книги, а могло бы и должно было бы! Можно ли помочь ему? С какой стороны приступить? <...>

«Моя родословная» – образец такого грозного оптимизма, которого не было в поэзии со времён греческих мифов.

28 января

Молодой поэт из Ленинграда, 23 года, Кузьминский.⁷ Несчастное, милое, замёрзшее создание, очарованное всеми видами полувековой давности, вроде имажинизма, эгофутуризма и проч. При этом не читал Достоевского, стихи очень слабые. Но милый, честный бедняк, разгребает снег на крыше ленинградского Эрмитажа.

Послал через М. Ткачёва письмо и подарок во Вьетнам Гуи Кану⁸: 4 томика Ламартина и духи его жене – это от Зои (З.К.Бажановой, жены П.Г.А. – Сост.).

«Преобразование» – рассказ Кафки⁹ в “Иностранной литературе”. Я ревел, а Зоя отплёвывается. Страшная густота и сила воображения. В основе только жалость. По-моему, от Гоголя, больше не откуда. <...> «Наша» критика и полемика с апологетами Кафки на Западе (Книпович и Рюриков)¹⁰ уморительна до отвращения.

29 января

Перепечатал статью о Лермонтове для Гослита.

Рассказы Моравиа¹¹ в том же номере, что и Кафка, – чистейшая чепуха, даже не снобизм, а просто бессильные потуги... Какие-то слишком тонкие переживания женатых мужчин в связи с их нравственной неполноценностью.

Андрей на студенческие каникулы уехал куда-то на Северный Урал около Нижнего Тагила, на лыжный пробег, а сам в лёгком пальтишке и в штанах «как половая тряпка», по словам Кипсы¹². Волнений и страхов у всех у нас полон рот, как всегда.

30 января

Отдали огромное количество книг (мешками!) на Троицкую фабрику¹³. Тут и старые журналы, и романы: французские, английские, и ещё бог знает какие, – и ещё множество читанного, да и нечитанного, заслонявшего нужное и любимое. Зато установил (более или менее) порядок на полках – внизу и наверху у себя.

У Голосовкера явное веянье (или влияние) Ницше¹⁴: Хирон в пещере в окружении своих друзей, Телема, Геракла, Силена и др. напоминает конец Заратустры. <...>

31 января

«Четвёртое измерение» включено в план 1964 года. Это уже кое-что.

В 4 часа в иностранной комиссии СП встреча с секретарём французского посольства по культурным связям. Он хорошо говорит по-русски. Собрались поэты-переводчики: Левик, Любимов, Мендельсон, Р.Алигер¹⁵. Разговор приличный: о принципах поэтического перевода. И всё-таки он – капитан Рыбников¹⁶, явный.

Читал стихи в клубе АПН (агентство печати “Новости”).

Статья о Лермонтове отдана в редакцию по назначению.

1 февраля

День рождения Катюши¹⁷.

Утром Зоя повезла Анну Васильевну¹⁸ в поликлинику, к главному врачу, а я зашёл к Пруту¹⁹: он привёз от Лиляны Стефановой²⁰ мне письмо <...>. Разговор с ним о дураках на дипломатической работе. Потом у Катюши на дне рождения.

Написал рекомендацию для приёма в Союз переводчику «Вийона», Ф. Мендельсону. Он должен прийти ко мне. Мендельсон – славный малый, беспутный и значит бесхитростный, видимо, привирает, но в меру, интересная биография, обожает собак, так что собаки оказались в центре разговоров. Что-то и в нём грубошёрстное. Главное же, он, конечно, талантлив.

2 февраля

Борис Царин пришёл ко мне по совету Бородин. Он сам из Ташкента. Две судимости, ссылка, «два года с кетменём». Причины этих бедствий изложил бегло и мало правдоподобно. 32 года. Пишет стихи, в которых есть энергичные обороты, не оригинальные, но профессиональная хватка имеется. И, конечно, нужны деньги на билет до Магнитогорска. Дал ему 14 рублей.

Читал стихи в лит. музее Пушкина (на Кропоткинской). Хорошо, как всегда. В первый раз публично читал «Чёртову перечницу» и «Басню басен». Смотрел в глаза слушателям: кажется, всё понимают, но немного растеряны. Остальное почти всё «на ура».

Роман Бёлля²¹ «Где ты был, Адам?» – его ранняя вещь. Как и после первой войны, немцам выпало говорить о войне наиболее полную правду. Надо быть побеждённым, чтобы так писать. Несмотря на то, что это второй роман Бёлля (начало 50-х годов), вещь очень зрелая, горестно зрелая.

4 февраля

«Записные книжки» Блока²² (изд. 1931 г.). В который раз убеждаюсь, что весь Блок – самое нужное мне, самое интригующее, будоражащее и насыщающее чтение. Чтобы обозначить причины этого, надо найти ещё формулу. Она тоже необходима для будущего.

6 февраля.

Думать – это значит диктовать самому себе уже как-то сложившиеся в голове мысли, что легче всего делать по утрам, когда только просыпаешься, или в середине ночи. Отсюда вывод, что предварительная работа происходит в подсознании или даже во сне.

Вернулся Андрей на сутки раньше, чем предполагал. По словам Кипсы (по телефону), одичавший, небритый, грязный, изнурённый, но бодрый. Так и не помывшись и ничего не рассказав, удрал куда-то. Слава богу, что здоров и цел.

У Беллы вышел «Дождь» в «Литературной газете». Её выступление в Политехническом музее. <...>

7 февраля

Голосовкер и его «Достоевский и Кант». Не буду сейчас судить о том, насколько это верно, и главное, насколько нужно. Но очень хорош тон – благородный и добротный, без экивоков, без тени хвастливости и очень продуманный автором: неторопливый анализ, при котором ничто не подсказано, не предвзято, а всё естественно вытекает одно из другого. Хорошо бы уметь так писать! Главное условие – терпение.

9 февраля

Утром – вдова Ицика Фефера²³ Рахиль Григорьевна – относительно присвоения его имени одной из улиц в Шполе (родной его город), а также перевода и издания поэмы о Варшавском гетто.

Был у Велле.²⁴ Получил в подарок его книгу об Экзюпери.²⁵

Сделал проект обложки для «Четвёртого измерения».

Читаю Экзюпери. Всё-таки я не до конца убеждён, что Экзюпери такое великое явление, за которое его выдают. Он прекрасный писатель и ещё более прекрасный человек, но во многом такой же декламатор, как все «великие» французы, прежде всех, Р. Роллан²⁶. Слишком много на долю вкуса в изложении. Самые интересные его мысли о философии и математике. Самое значительное в нём – универсализм интересов и побочные возможности. Его рассуждения о человеке могут нравиться только французам. И в конце концов наибольшее значение имеют его жизнь и его судьба, а не его книги.

10 февраля

Пришёл ко мне В. Стецун, в течение шестнадцати лет бывший в ссылке. Ему 73 года, но выглядит моложе меня. Воспоминания о пережитом. Рассказывает о сердечных встречах с вахтанговцами и о всестороннем хамстве актёров МХАТа (из которых некоторые сыграли определённую роль в его судьбе: доносчики). Оставил на прочтение свои воспоминания, 85 страниц на машинке.

11 февраля

Завкончил «Экзюпери» и к сказанному выше добавить, кажется, нечего. Он человек, конечно, выше на много голов, чем писатель. Только во французском окружении кажется он великим. Только в ореоле собственной трагической судьбы вырастает. Но эта трагическая судьба действительно трагична. Это – середина XX века. Брехт, Кафка, Экзюпери, Чапек, Хемингуэй одной породы с ним по личному трагизму. Но может быть, личный трагизм (биографический) действительно более всего определяет значение художника? По отношению к Блоку или Байрону это верно.

В. Россельс²⁷ – очень занимательная и верная статья о прозаическом переводе. Правда, примеры в ней не всегда лучшие из возможных. Они педантичны.

Письмо семнадцатилетней поэтессы, ученицы 11-го класса. В стихах есть кое-что милое и своё – например, о колодезных деревянных журавлях, которые мечтают улететь вместе с живыми и кричать в небе «курлык». Ещё одно свидетельство урожая на поэтесс. На этот счёт у меня своя теория.

12 февраля

Умер Андрей Глоба, очень близкий товарищ мой и друг в начале 20-х годов, на заре туманной юности. Талантливый, лёгкий, азартный человек. Оказывается, ему уже было 75 лет. В час дня была панихида в ЦДЛ. Народу совсем немного, а венков до обидности мало. Мне пришлось говорить без подготовки, не собрав мыслей. Потом с Арсением Тарковским²⁸ отправились в “Сов. пис”, каждый по своему проклятому делу! Купил в магазине книги о Микеланджело, Гогене.

Гоген долго искал, прежде чем нашёл свою цветовую гамму. Его ранняя пестрота очень раздражает. Зато в конце жизни, ближе к 1900 году, поразительно! Как вступление всей оркестровой меди (только меди) – густые, басовые тона.

Просят написать о Шекспире для “Юности”. С радостью согласился и сделаю!

13 февраля

Пишу статью о Ж.Р.Блоке²⁹, которому исполняется в мае восемьдесят лет. Прошло семнадцать лет уже, как он умер. Очень живо всё вспоминается: сорок первый год, октябрь и ноябрь в Казани. Статью заказали для “Иностранной литературы”. Сегодня закончу.

Весь вечер у нас Володя Россельс. Грандиозный двухчасовой разговор на самые острые и тяжёлые темы. Зоя выдаёт такое, что ой-ой-ой. У неё голова немножко набекрень за последнее время. Страшно нервна.

15 февраля

Начал писать о Шекспире для “Юности”. Как выйдет, не знаю, но начал вольно, во весь мах.

Приходили два парня из народной дружины на Троицкой фабрике – те самые, которым мы отдали великое множество книг в конце января. Принесли поллитровку, которую мы совместно раскулачили, что было вовремя.

16 февраля

Вечером у Верейских³⁰. Он только что из Америки, пробыл больше трёх месяцев на выставке нашей графики. Он – единственный художник во всей делегации, остальные – «искусствоведы в штатском», среди них кретин Кеменов³¹, всё время грубо враждовавший с Орестом. Орест рассказывал много занимательного: о том, как вяло в общем реагировал Нью Йорк на убийство Кеннеди,³² о полном, безоглядном деморализме радиопередач и ещё и ещё. Показывал свои, ещё вполне черновые, зарисовки. Лёгкий, талантливый мастер. В конечном счёте, без царя в голове, но, может быть, это и к лучшему. Сколько ходит у нас с пятью царями и с десятью цензорами в голове.

Мой Шекспир на полном ходу. Захватываю много попутного, что, наверно, придётся зачеркнуть, и заранее жалко, потому что получается интересно (кажется).

Вечером же заходил Кирсанов³³, тоскует, рассказывает о своих семейных неурядицах. Ему 58 лет, а жене – 27. Ситуация либо трагическая, либо фарсовая. У него и то и другое, наверно.

17 февраля

Перечёл «шекспировское» у Тургенева и обнаружил, что кое в чём повторяю впервые сказанное им: особенно в речи 1864 г. относительно современников Шекспира и в связи с этим обо всей эпохе. Но это не смущает: у меня другой контекст, другая мысль и другое освещение. Статья наполовину написана и есть заготовка конца. Чтобы сделать остальное, нужны... пять томов самого Шекспира. Завтра привезу из Москвы.

18 февраля

Васильев³⁴ просит стихи для майского номера «Октября». Статья о Ж.Р.Блоке понравилась, кажется. В «Литературной газете» Зелинский благосклонно меня упоминает – в результате как будто меня вымазали говном.³⁵

Договорился в «Юности» с Лесневским³⁶, что статью о Шекспире сдам в понедельник 24-го.

В иностранной комиссии насчёт моей Греции. Дело безнадежно тянется и пока просвет не предвидится: Союзу не дали валюты.

В «Сов. писе» встреча с Б. Соловьёвым³⁷. Он прочёл «Четвёртое измерение» и предъявил минимальные претензии. Мне пришлось согласиться снять «Слепой играет на аккордеоне»³⁸. Это жалко, но я ждал худшего, по правде. Там же окончательно договорились насчёт оформления. Книга будет печататься в Туле. Говорят, сейчас это лучший вариант из всех возможных (в отношении срока).

19 февраля

Весь день перепечатаваю «Шекспира». Хотя статья ещё далеко не готова, но вся прописана. К вечеру закончил. Больше ничего за день не произошло: я не отрывался от каторжной машинки.

20 февраля

Трижды перечёл и прочистил статью, надеялся сократить, но это не получается.

В который раз перечитываю роман Бруно Франко³⁹ о Сервантесе. Хоть бы в конце жизни написать такую книгу, о ком – неважно. Больше ничего не хочу. (Это мне уже давно приходило в голову).

21 февраля

Как ни верти, цвет нынешнего молодого поколения устремляется в точную науку: математику, физику и т.д. Я имею в виду цвет мужского поколения, и этим объясняю урожай на поэтесс: Белла Ахмадулина, Н. Матвеева, Ю. Мориц, М. Борисова, Жермунская, Кошежева, Н. Королёва...⁴⁰

Многих я ещё не знаю.

Но любая на любом поэтическом вечере кладёт на обе лопатки выступающих рядом мужчин. Это наблюдение очень многих и разных вечеров за прошлый год и раньше.

22 февраля

Статья о Шекспире готова! Получил заказ 12-го и сдал 24-го. Аккуратный закройщик, швец, жнец и на дуде игрец.

Очерки Алексея Веселовского⁴¹: Мольер, Дон Кихот, Дон Жуан, Дидро и т.д. Всё это добротное, по первоисточникам, иногда красноречиво, всегда увлекательно, но без сквозного действия, без стержня.

«Биографу очень кстати, когда он может назвать своего героя сыном народа... Это оживляет жизнеописание, подчас даёт материал для прикрас и благонамеренной риторики, зрелище самодеятельности всегда завлекательно». Увы, не в бровь, а в глаз советским литературоведам! Кого только не делали «сыном народа» и на этом мы садились в лужу. Очень хорош у Веселовского Бомарше.

23 февраля

В. Масс⁴² прочёл моего «Шекспира» и очень хвалит. Завтра статья уже будет в редакции, равно как и стихи, о чём просил у меня Полевой⁴³: даю «Басню басен» и «Старого скульптора». А в «Октябрь» – «Беглый огонь» и «Разгляди на коряге» (назвал «К дискуссии о реализме» – нарочно).

Из Ленинграда – письмо с требованием скорейших сносок в статье о Лермонтове, а также договор на редактуру Тициана⁴⁴.

В результате ругани в адрес I тома «Литературной энциклопедии» Сурков⁴⁵ плюнул и ввёл в редколлегию Грибачёва. И вот тот показал себя: прочитал макет II тома и прислал отзыв, в котором всё внимание направлено на Гудзенко⁴⁶, В. Гроссмана⁴⁷, Гофштейна⁴⁸... он верен себе.⁴⁹ Это рассказал В. Жданов.⁵⁰

Необходимо, наконец, написать о Луговском.⁵¹ Давно обещал!!

24 февраля

Статья в «Юности» принята безоговорочно, с большими комплиментами. Чтобы не сокращать её, редакция идёт на то, чтобы не печатать каких-то новых переводов стихов... Займёт статья пять полос. Мой портрет Шекспира тоже пойдёт, но к сожалению чёрный снимок: цветной уже поздно. Полевой и другие приглашают писать ещё.

Договорился с В. Ждановым насчёт ничтожного исправления в статье о Гудзенко (в Лит. энциклопедии): кость в зубы Грибачёву. Послал стихи в «Октябрь» и уточняю сноски для статьи о Лермонтове.

Итак – типичный московский день, так называемый деловой. Хорош бы я был, живя постоянно в Москве!

25 февраля

Часа в четыре приехали на Пахру вместе с Кипсой и Катюшей. У меня прелестная внучка. Она всегда приветлива, послушна. Ей шесть лет. При этом она читает (по-русски и по-французски) бегло, хорошо пишет печатными буквами, решает задачи на отрицательные величины, очень интересно рисует, делает гимнастику: мост, кувырканье и прочее. До умопомрачения любит своих кукол, хорошо относится к животным (это очень важно) и вообще прелестное существо. Андрей был трудным ребёнком (калека!) и тогда всем трудно

жилось. Но и его тоже Кипса вела мудро: вундеркиндерство было сознательным решением её, чтобы компенсировать его физическую неполноценность, и это дало хороший результат.

27 февраля

Предстоит сегодня выступить на Троицкой фабрике, но до чего же неохота – до смертельной тоски!

... А всё-таки я очень рад, что оно состоялось и совсем хорошо прошло. Это был вечер ткачих, т.е. главного цеха. Было много народа, человек двести. Маленький клуб. Жарко натоплено. Слушали отлично, всё грамотная (вполне) молодёжь, много моряков (соседи), девчата в страшных модных причёсках, ветхие старушки. Привезли туда на автобусе те же парни, что взяли у нас книги, один из них привёз обратно – нет, нет, грешно отказываться от таких встреч с людьми.

28 февраля

Во Дворце культуры завода Лихачёва вечер 400-летия Ивана Фёдорова. Аудитория специфическая: невнимательная, перекормленная. Выступать перед такой – потерянное дело. Успехом пользовался Доризо⁵², который просто надевается на аудиторию, от чего избави бог нас грешных! Потом с Ив. Ив. Ширяевым (карлик) пошли в ЦДЛ, выпили полтора. Пришёл в 10 часов домой, а тут уже Зоя, и московский день, слава богу, канул в небытие.

29 февраля

Для «Литературной газеты» ответил на вопрос: что сделал за истекший год (от февраля до февраля). Назвал «Четвёртое измерение», статьи о Лермонтове и больше ничего, но то и другое – около трети того, что я сделал на самом деле.

Пришли девочки из сельской библиотеки и получили очередную кучу книг, и каждый раз при этом кажется, что у нас на полках не образовалось никакой бреши.

1 марта

<...> Мне сразу становится скучно и неуютно, когда нет печатной работы, которую надо закончить к такому-то, когда нет позыва взяться за другую, новую работу. Это хороший признак. В прежние годы этого не было. Не стану анализировать как и что, хотя убеждён, что это признак старости и к тому же решающий: такое чувство, что надо спешить, а вдруг дескать не успею!.. Я подвожу итоги и по возможности, где только могу, ставлю жирные точки. Но у этой деятельности не может быть конца.

2 марта

Фантастические рассказы американца Брэдбери⁵³ – весьма интересное явление. Они лучше Лема⁵⁴: меньше техницизма и изопрённой выдумки. В центре всё-таки человек, его судьба, его горе. И по-американски смелая критика родной страны. Сверх того – *mutatis mutandis* - что очень важно для меня – и о гибели, угрожающей культуре. Может быть это

даже центральная тема рассказов, во всяком случае – их подразумеваемый подтекст и фон. *Mutatis mutandis* - лишняя оговорка: ничего менять не нужно, всё так и есть как сказано.

Есть несколько вещей абсолютно оптимистических. Этот оптимизм тем и хорош, что бесшабашен и несбыточен. Брэдбери считается на родине лучшим американским писателем. Спрашивается в который раз: - почему до сих пор он не был у нас переведён, не был издан?.. Откуда страх, откуда перестраховка?

4 марта

Написал стихи – первые в 1964-ом году. Может быть, они ни к чёрту не годятся.

5 марта

Читал вёрстку в “Юности”. Всё в общем хорошо, хотя опечатки нашёл ужасные. Портрет выглядит в клише очень неплохо.

В “Сов. писе” видел оформление «Четвертого измерения». Боюсь до смерти этого шика! Тут и супер и форзац со звёздным небом и шмуцтитуды на каждый цикл и ещё какие-то излишества, и формат не мой, а какой-то квадратный, претенциозный. И в то же время я резко возражать не могу, ибо это значит сорвать своевременную сдачу в производство.

Вива Андроникова⁵⁵ приехала из Тбилиси, рассказывает много печального о Симоне и Марике Чиковани⁵⁶. Оба ужасно больны.

7 марта

Издательство “Искусство” просило меня (почему-то через Надю⁵⁷) написать для какого-то сборника статью о Борисе Щукине⁵⁸. Сегодня я извлёк страницы из воспоминаний своих и сделал это.

Читаю роман Лакснесса⁵⁹ «Исландский колокол». Хуже других его вещей, но тоже талантливо. Похоже на страшный и бессвязный сон.

Вечером неожиданно приехала Майка Луговская⁶⁰. Надо сознаться, она всегда приезжает внезапно, но всегда – в нужное время. Прелестная, нелепая, шумная, полна собою до предела, и всё-таки мила и по-своему даже умна, хотя все данные против. Во всяком случае, реа – яркий и законченный продукт... Чего? Эпохи? Воспитания? Среды? Женского темперамента? Это неважно. Пахра существует отчасти и для того, чтобы относиться к людям свежо.

8 марта

Конечно, «Исландский колокол» по-своему очень замечательная книга. Пожалуй, историчность даёт Лакснессу широту охвата и обзора и ёмкость образов – они рельефны и более своевременны, чем его современные герои. Но какая же пошлая чушь содержится в издательском предисловии, какое тупое невежество! Уму непостижимо.

9 марта

Отдал в “Искусство” статью о Щукине.

Вечером на акимовском спектакле «Дон Жуан». Это всё-таки очень интересно. Главная удача – в мысли (самого Акимова) перенести поэму на сцену. Мысль почти

начальная, но она оправдала себя. Спектакль как постановка ироничен и остёр. Много находок. У четырёх «ведущих» (среди них Юнгер) уйма байроновских октав, которые во всяком случае звучат. Актёры в большинстве своём слабые. И что особенно досадно – ужасно много плохо сложенных женщин. В спектакле о Дон Жуане это просто непростительно.

Меня пригласила Гнедич⁶¹ – переводчица с удивительной личной судьбой. Представление продолжалось 3 часа! Но я решительно не скучал.

10 марта

<...> Утром был у Гнедич. Она читала свои стихи, есть интересные, хотя и перегруженные книжными ассоциациями. Но по нынешним временам как раз эта книжность дороже многого другого!

В Гослите вечер не то 400-летия книгопечатания, не то женский. Читал весь свой эстрадный репертуар. Читали Каверин, В. Инбер, Рита, Доризо, Исаев. Двое последних неизлечимые пошляки. Увы, мне предстоит, как я ни отбояривался, вести шевченковский вечер в клубе КГБ тринадцатого.

13 марта

Вчерашний вечер был чреват неожиданностью: Костя Симонов привёл Карло Каладзе⁶². <...> Этот весёлый мудрец на протяжении лет не меняется, разве что становится милее и ближе нам – как и все грузины!

14 марта

Вечером у Россельса блины. Записи разных песен. Ким⁶³, о котором рассказывали, что чуть ли не самый интересный, это что-то ужасное по нахальству, неграмотности и неразборчивости средств. Зато Высоцкий – явление настоящее. Он лагерник-каторжанин. Страшная песня о том, как где-то на севере нашёл окурочек сигареты со следами губной помады, влюбился в него, проиграл в карты, ещё страшнее песни о лесбийской свадьбе, о Сталине.⁶⁴

15 марта

Александр Веселовский учёный одержимый. «Историческая поэтика» – образец того, как, несмотря на самые благие намерения, на самый научный аппарат и прочее, проваливается попытка построить научную эстетику и поэтику, определить поэзию, понять её происхождение. Сколько знания, сколько наблюдений, сведений, примеров, цитат! Грандиозный Вавилон, но всё это тщетная, невыполнимая задача, а в результате – развалины теории.

Вся его историческая поэтика держится и покоится на одном утверждении, на одной истине – литературное развитие человечества выросло, как из почки, из незапамятно дальней обрядово-культурной песни и пляски. Собрал грандиозный материал, весь книжный, т.е. из вторых или третьих рук. Веселовский бесконечно повторяет и варьирует доказательства своей главной тезы и темы, но использует при этом всё те же материалы

чужих исследований и собраний. Сама по себе эта теза чем-то заманчива, как любая другая претендующая всё объяснить, всё закольцевать. В этом есть своя логика.

Одно только утверждение Веселовского мне нравится: история литературы должна быть историей культуры. Это надо понять как требование полноты обзора, полноты исследуемого материала. Требования тем более справедливы, чем ближе к новому времени, чем дальше от первобытного синкретизма.

16 марта

Продолжаю кряхтеть над Веселовским, выискивая отдельные острые и нужные мне наблюдения. Они всё-таки имеются. Книга Веселовского издана в 1940 г., притом под ред. Жирмунского. Однако трудно себе представить более неряшливое, неотредактированное, непродуманное издание: всё вкривь и вкось, масса вообще никому не нужного, повторения, ссылок на страницы, которых нет в книге и проч. Какая-то выгребная яма. Я давно заметил, что книги «академического» профиля редактируются у нас хуже всех прочих, даже корректура неряшливая. В издательстве Ак<адемии> наук СССР это достигает уже крайних пределов (в гуманитарных изданиях).

17 марта

В «Советском писателе» поругался с художником. Он очень талантлив и защищал своё дело неистово, но мне от того не легче. Это означает, что книжка задержится ещё на неделю.

Вечером с Орловыми (он и Юнгер)⁶⁵ и Карло <...> пошёл к старой актрисе, Фаине Георгиевне Раневской, про которую давно слышал: талантливая, своеобразная и известная лесбийка.⁶⁶ Действительно, явление своего рода. Умна, хорошо слушает, приветлива и по-стариковски (или по-старинному) широка, без ханжества и без современного неряшливого цинизма. На стенах картины Фалька, карточки Ахматовой, Улановой, Комиссаржевской, Дузе, Качалова.⁶⁷ Хорошо пьёт коньяк.

19 марта

Если говорить совершенно начистоту, то для меня не только самая желательная, но в сущности и единственная возможность выразить свой мир в слове – есть рифмованная и тоническая поэзия. Всё остальное – суррогат, мыслимый в известных обстоятельствах, не более того. Главный суррогат – проза. Но так называемый свободный стих и даже белый – тоже суррогаты. Тонику я понимаю широко, не только в пределах классических размеров, но и в паузниках, и в раёшнике, вплоть до ритмов Маяковского⁶⁸.

Зато начисто отвергаю (для русского языка) силлабику и, конечно же, античную и грузинскую краткость и долготу. На этом надо стоять очень серьёзно и крепко.

Орловы (он и Юнгер) и Карло были и отбыли. Всё было на высшем уровне: еда, тосты, поэзия, общее одушевление, литр водки и множество восклицаний...

Володя Орлов мне очень мил и дорог. Не только за Блока⁶⁹, не только по каким-то издалеку видимым признакам. Он сложнее и печальнее, чем кажется...

20 марта

Сколько раз я перечитывал (или даже перелистывал) Шпенглера⁷⁰ и каждый раз одинаково убеждаюсь в том, что это одна из самых основоположных для меня книг. Очень легко уличить его в натяжках, передёржках, в плохо скрытой тенденции, но это неважно. Важен кругозор, т.е. переработка на свой страх и риск огромного материала. Конечно, этот немец приступал к задаче, заранее зная её решение. Он действует предвзято. А кто может похвастаться обратным?

Интересно вот что. Книга вышла впервые в 1917 году, а вчерне была закончена в 1912 году. Между тем в ней очень скомканно и сумбурно сказано о теории относительности и даже не упомянут Эйнштейн. Как это случилось? Неужели потому, что Эйнштейн – жид? Очень может быть. Шпенглер убедителен только потому, что талантлив. На его примере ясно видно, насколько важно быть талантливым, т.е. метафорически смело излагать мысль, облекать её в яркий плащ, ударять по струнам, сверкать доспехами. Это не малое, не пустое дело.

21 марта

В Москве. Записался в телецентре для киноплёнки: «Пикассо», «Маяковского» и «Чудное мгновенье»⁷¹. Хотел было записать только новое, но пришлось на ходу менять план. Дело в общем неутомительное и люди вполне понимающие, за исключением А. Савкина, сына Вари Поповой⁷², которого я знаю с малого детства. И вот он-то и оказался сивым меринком и вмешивался не в своё дело, числясь почему-то режиссёром.

22 марта

В Москве. Бедная Галя в течение многих, многих лет добивается издания книги-монографии Жоржа Гольца.⁷³ Сейчас собирает подписи для письма в редакцию. Но в какую именно? В «Известия»? В «Лит. газету»?..

Андрей получил в университете премию за научную работу, ещё не знает, какую премию.

Выступал по телевидению, читал «То, что казалось». Из поэтов ещё Солоухин⁷⁴ (вёл передачу), Кашежева⁷⁵ и переводчик Кудинов. А ещё актёры. Боже мой, до чего безграмотный, наглый народ! Как жмут, как надеваются на зрителя!

23 марта

С утра на Пахре. Привёз нас Владимир Михайлович⁷⁶ на нашей машине. Только мы ввалились, пришла Белла в большом возбуждении, в слезах. Действительно, стало тяжело в том доме. Юра испорчен воспитанием и обожанием матери, ко всему равнодушный и, в конце концов, просто невоспитанный человек.⁷⁷ Старики – оба нервны, всё принимают близко к сердцу и по обычаю кровных родных склонны обвинять в недостатках и пороках сына (или пасынка) всё ту же Беллу.

Она умна, наблюдательна и, конечно, видит всё это слишком зорко и ясно. В последние дни были какие-то уже совсем тяжёлые столкновения. Коротко, она решила уйти куда глаза глядят. Потому что идти собственно некуда. На несколько дней решила остаться у Россельсов.

Мы настойчиво звали остаться у нас, в Москве или здесь... Вообще она-то найдёт приют, ласку и заботу у многих людей. Но всё-таки за неё очень боязно. Уж очень неуравновешенный человек. И сама же тянется к неблагополучию, к горю, к несчастью – дескать, это необходимо для работы!

24 марта

Сможет ли, захочет ли вернуться Белла обратно к Нагибиным, совершенно неизвестно. Её «бунт» во многом вынужден. Она заявляет, что ей надоело быть «замужем за тремя», надоело быть домработницей, жить без своей комнаты...

Всё это простые и справедливые претензии. В течение долгого времени мы сами были свидетелями какого-то слепого и прямо напыщенного эгоизма и матери и сына, да и отчима, хотя он как раз добрее и умнее всех в доме.

... Оказалось, что она явилась к Россельсам только в 2 ч. ночи (уехав от нас в 7 ч. вечера), т.е. пробыла всё это время где-нибудь в ЦДЛ и, наверно, в самой низкопробной компании. Оградить её от таких выпадов невозможно. В этом всё несчастье.

<...> Начал писать о драматургии Блока, но ещё не нашёл фокуса, который поможет быть сжатым. Март оказался значительно менее продуктивным, чем февраль. Однако сам по себе дневник большая удача!

25 марта

За весь 64-й год написал три стиха-марания, от которых самому тошно, настолько они случайны и решительно ничего не выражают. Это означает только одно. Сама поэзия не нужна мне в данный момент <...> как форма самовыражения. Её заменяет проза: статейная, дневниковая, любая другая. <...> Ещё раз спрашиваю себя: настаивать ли мне на прозе или кровь из носу, но давай стихи? То есть, смириться или буйствовать? Продолжать будничное, деловое, профессиональное существование или предъявить самой жизни большой счёт – пусть ответит? Во всяком случае альтернатива сформулирована правильно.

Написал четыре письма и все поэтам, молодым и постарше, которые ждут от меня по меньшей мере чуда. Писание писем – та же подённая, деловая проза, далёкая от чуда, как от звезды небесной.

26 марта

Закончил о театре Блока, закончил в том виде, который только и возможен сейчас. Статья разрастается. Рядом с пушкинскими она будет самой центральной. Надо так написать, чтобы уже никогда к ней не возвращаться. Смогу ли?

Прочёл от доски до доски Шпенглера. Если отбросить крайнюю размазанность, многократные повторения одного и того же, а также неприятный менторский тон, то книга остаётся в силе для меня. Остаётся, как очень важное явление в культуре. Её нельзя замолчать, вычеркнуть, оставить без внимания. Что-то произошло в сознании после того, как она появилась. Главное – органическая разность отдельных культур – доказано и показано. Второй том (с обращением к злободневной политической современности 1920-х годов) у нас не переведен. Это досадно. Но представляю себе, чего он там не наворотил! Уже и в первом есть предсказание мировой роли «прусского социализма»; предсказание

оказалось ложным, как известно. Но энергия автора не была потрачена впустую: если он дожил до национал социализма, то мог в этом убедиться!

27 марта

В Москве. С оформлением книги в “Сов. писе” как будто всё благополучно и я её окончательно принял. Это не мой вкус, но уж ничего не поделаешь. Возникают какие-то непонятные <...> новые правила. В рукописи должно быть точно обозначено, что новое и такие места должны печататься как новые главы с нумерацией. Какая чушь!

28 марта

Кончил о драматургии Блока. Кажется, получилось интересно. Больше всего доволен тем, что привлёк (я – первый!) замыслы из записных книжек Блока.

Конечно, «Тёркин на том свете» – необыкновенное, значительное явление в поэзии. Несмотря на хитрость (двусмысленность) автора, но отчасти и благодаря ей, благодаря сатире, поэма есть фрагмент воображаемого большого целого, которое всегда пишется, всегда продолжается и никогда не кончается в русской жизни и в русской культуре. Главы этого целого – и «Мёртвые души», и «Кому на Руси...», и «Двенадцать», и страницы Успенского, Чехова, Бунина, Андрея Платонова и скольких ещё!.. Твардовский⁷⁸ не только молодчина (что само собою разумеется), но и звено в лучшей русской цепи.

Очень странное чувство! Читаю книгу и всё время кажется, что уже читал её – чуть ли не во сне. Но у меня всё выпало из памяти и каждый новый эпизод только воспринимается как воспоминание. Книга эта – «Печаль в раю» Хуан Гойтисоло, – из эпохи Гражданской войны в Испании в 1930-х годах. Она войдёт в меня, как первая (после «Дон Кихота»!) испанская книга.

Вечером зашли Матусовские⁷⁹ и мы все вчетвером двинулись к ним. Это встреча после очень большого, чуть ли не двухмесячного, перерыва. Какое прелестное семейство. Из всего пахринского общества они нам ближе всех.

29 марта

После какого-то длинного разговора с глазу на глаз с Юрой, Белла вернулась вчера вечером сюда, на Пахру. Значит, возможность примирения была как-то найдена между ними двумя. Но она продолжает чувствовать себя бездомной, несчастной. Бог её знает, сколько тут настоящих бед, сколько её воображения. Но что бы там ни было, её жалко, а ей самой всё равно не легче. Так вот и не знаешь, чего ей в конечном счёте пожелать: то ли чтобы она всё-таки порвала с этим домом, то ли наоборот, прочно утвердилась в нём. При всех условиях, она вполне взрослый человек и труднейший для себя и для других. Трудность её прямо пропорциональна её огромной талантливости, даже и не только ей, но и всей предрасположенности к творчеству, к работе, её вечной тревоге писать, писать, писать, не потерять этой нити из рук.

Надо сознаться, что меня всю жизнь спасала ровность характера, а сверх неё и большая доза легкомыслия, которая, впрочем, не касалась постоянного влечения к труду, какой бы он ни был. Труд означал забвение всего вокруг. Он руководил мною, а не я им. Но на старости лет легко всё это констатировать, а вот попробуй начни сначала и проживи ещё

раз все эти десятилетия, тогда и вспомнишь, почём был фунт лиха и каждая унция горя и беды!

Зоя кончает своего Змея с Адамом и Евой и мне мерещится, что это чуть ли не лучшая её работа, не по мастерству, а по непосредственности выражения.

30 марта

В ЦДЛ я успел только пообедать с В. Ждановым, съездил в сберкассу и поспел к дискуссии о свободном стихе, которая была занятна, но уж очень на дилетантском уровне. Выступал, между прочим, Перцов, сильно хваливший мой югославский цикл. Я тоже кое-что говорил, довольно резкое. Вечером нашёл в ЦДЛ Карло и Гюльнару⁸⁰ и посидел с ними немножко за бутылкой красного вина. 4-го они оба летят в Париж.

31 марта

<...> Андрей наш получил медаль за научную работу в Новосибирском Университете, где о нём ничего не знают кроме двух-трёх страниц, напечатанных им в каком-то сугубо академическом издании. Событие из ряда вон!

1 апреля

Новый роман Г. Бёлля «Глазами клоуна» – новое доказательство всего того, что уже известно о нём: он страшно талантлив и вместе с тем страшно бессилён. Я прочёл роман не отрываясь в течение нескольких дневных часов. Герой, клоун, мне чем-то очень близок, даже до смешного, например, в своей моногамии или в привычном для него фантазировании, доходящем до того, что он сам путается, что было на самом деле, а что он навоображал. Всё это угадано верно и показано с пронзительной искренностью, а она дороже всего.

2 апреля

Утром перепечатал главу о драматургии Блока <...>.

Во вчера купленной книге о музее Прадо замечательные репродукции Босха. Они для меня сущий праздник, я давно мечтал о них. Может быть, когда-нибудь на досуге я напишу статью о Босхе и Брейгеле. Впрочем, сейчас надо отказаться от планов с дальним прицелом, надо заканчивать, кольцевать начатое и в июне окончательно сделать книгу прозы чтобы сдать её в издательство.

3 апреля.

В «Иностранной литературе» два сатирических рассказа Карела Михала. Это прелестная, умная и графически острая фантастика (как всегда у чехов) и к ней присобачена социалистическая мораль. Либо наши переводчики не почувствовали в ней сатирического жара, либо сам автор старался потрафить чему-то чуждому для него. Господи боже мой, когда кончится социалистический реализм?! Или это рак, из которого один только выход – в смерть?

Зоя права! Она вернее прочла чешские рассказы. Конечно, они представляют из себя совершенно открытое издевательство над тем, что я счёл «присобаченным». Да, именно так автор и сделал: присобачил на общее глумление, а совсем не «потрафил чему-то чуждому для него». Второй переводчик зорче разглядел эту сатиру (Чернявская), чем наша Аросева, которая, очевидно, кое-что смазала, может быть, и нарочно.

4 апреля.

Некто Виноградов-Мамонт⁸¹, видимо, старый человек и почтенный деятель, позвонил мне и предложил познакомиться с отрывком из его мемуаров, посвящённых Блоку («Так как Блок видел Ленина», – сказал он). Я согласился, и он прислал мне рукопись. Она интересна, хотя и ужасна по стилю. События и факты, сообщённые в ней, конечно, подлинные, но Блоку приписаны такие речи, которых он никак не мог произнести. Пишу автору большое письмо в надежде, что он всё поймёт, а в понедельник хочу обязательно встретиться с ним.

Я начал записывать (восстанавливать по памяти) то, что говорил на дискуссии о свободном стихе – выходит полнее и точнее. Это задача не слишком трудная, а запись очень пригодится.

В 3 часа приехал Бажан.⁸² Весь вечер слушали с ним 6-ю симфонию Чайковского, финал IX симфонии Бетховена и много записей Шаляпина⁸³. Вот это победитель. Всегда и во всём. «Пророк» Римского – для меня лучшее. <...>

Получил письма от Лёни Первомайского и от Кравченко из Владивостока⁸⁴... <...>

5 апреля

За обедом была Таня Фиш. Который раз возвращаемся к ужасному ленинградскому суду над молодым поэтом Бродским.⁸⁵ К сожалению, совсем не знаю его стихов. Но решительно все говорят, что он одарённый человек. Суд был обставлен гнусно. Над дверьми суда висел плакат: здесь судят тунеядца. Письма Чуковского⁸⁶, Маршака⁸⁷ были прочитаны вслух и не возымели никакого действия на судью (женщина)⁸⁸ и заседателей, которые вообще вели себя вызывающе грубо, орали на подсудимого Бродского и в конце концов дали ему пятилетнюю высылку из Ленинграда. Мало того, Эткинда и Адмони⁸⁹, защищавших парня «проработали» потом в Ленинградском СП. Невозможно понять, кому и зачем требуется это издевательство над трудом писателя, т. е. над всей интеллигенцией. Каждый день и час приходишь заново в отчаянье – причин хоть отбавляй.

6 апреля

Смотрели с Миколой новые американские рисунки, акварели Ореста Верейского. Это, конечно, чудо техники, мастерства, которое кажется импровизацией, чудо уверенности и точного прицела. Но и человечно – до такой степени в первый раз у него: сильные, утомлённые, понурые рабочие в метро, в закуской, за стойкой, за работой... В такой короткий срок успел он много закончить! Чуть больше полутора месяцев – это рекорд.

Вечером юбилей Льва Пеньковского в Малом зале ЦДЛ. Собрались близкие, понимающие, избранные люди. Этот семидесятилетний поэт, старинный мой приятель, единомышленник, соратник, много настоящего сделал на своём веку. Один из первых в нашем поколении и в нашей среде ринулся в перевод, на этом загубил себя как поэт, первый

серьёзно увлёкся нашим Востоком. Так что было что сказать ему хорошее, за что чувствовать. Кира Смирнова спела под гитару его «цыганский» романс: «Мы только знакомы – как странно...»

7 апреля

Вчера дохнуло некоторым «отбоем» относительно Бродского: журнал “Иностранная литература”, спешно отодвинув другой материал, печатает его переводы поляков с врезкой о талантливости парня. Распорядился сам Рюриков, что само по себе – симптом, а ему, как бы там ни было, честь и слава.

8 апреля.

Роман Сноу⁹⁰ «Возвращение домой» чистейшая ерунда. Несмотря на внешнюю современность (война, атомная бомба и т.д.), всё это о житейщине английского общества. Главный герой глупец, все остальные вокруг него. Только характерные роли, сыгранные им самим, даже женщины. Сноу издают у нас только потому, что он «борется за мир».

Перепечатал восстановленное по памяти выступление по поводу свободного стиха (на дискуссии в ЦДЛ 30 марта). Получилась статья на 7-ми страницах, которую надо куда-нибудь определить.

9 апреля

В человеческих судьбах XX века осуществляется какая-то зверская жестокость выдумки, как будто и там, наверху действуют силы, похожие на ЧЕКА или на гестапо! Симон ослеп, а его жена Марика медленно умирает от рака, уже после операции, гарантировавшей полное выздоровление.

В феврале 1963 года они оба были у нас, и мы все вместе радовались их радости.

Марика – самое благородное и самоотверженное существо из всех, кого я знаю. Какой же дьявол программирует все эти внезапные повороты и колдобины нашей жизни? Девичья фамилия Марики Элио́ва (Элиава?). В 1937 г. Сталин расстрелял и стёр с лица земли всю её знаменитую родню. Она подняла на ноги оставшихся сирот.

И вот продолжение. Симон на 61-м году жизни слепнет не столько от диабета, сколько от горя при виде страданий жены.

10 апреля

Я напишу короткий рассказ о Шекспире. О том, как в Лондон приехали послы-московиты сватать Елизавету в жёны Грозному. Среди них не то писец, не то ещё кто-нибудь помельче, именем Емелька-Копьетряс.⁹¹ Встреча этого малого с Шекспиром в таверне, скажем, Золотого Льва. Их разговор за чашами кларета или зелья покрепче. Надо допустить условность понимания друг друга, либо сделать Копьетряса знающим английский язык. В чём существо разговора неясно, но даже и неважно: два маленьких, безмянных существа в свите великих мира сего, как могильщики в «Гамлете».

В первый раз в жизни начал читать знаменитую книгу, которая стояла у меня на полке двадцать четыре года!! Это «Первобытная культура» Тэйлора. Самый густой, что ни на есть, девятнадцатый век. Безудержная вера в исторический прогресс и удивительно

спокойное благородство тона в полемике, хотя бы с богословами. Это главное в книге, по крайней мере, так мне кажется по первым двум главам. Не прочесть её внимательно, не узнать, что и откуда в ней, просто грешно.

12 апреля

Договорился в “Литературной газете”, чтобы напечатали статью о свободном стихе.

Нашёл новое о посольствах в Англии при Шекспире. Придётся ломать всё, что уже написано в сказке. Было другое посольство уже при Годунове, в 1600 году, когда Шекспиру было 36 лет. В то время разозлился заговор и казнь Эссекса. Только что отстроен театр «Глобус». Словом, дело приобретает более серьёзный характер, а само писание большой интерес, и время требуется большее.

Неожиданно написал стихи о Нефертити⁹². Собственно, думал о них давным-давно – с тех пор, как статуэтку поставил на полку. Но исполнил задуманное неожиданно.

13 апреля

Вчера был день рождения Андрея, но Кипса решила проявить осторожность и своего рода такт и не навязала ему празднования с неизбежными гостями-родственниками (в их числе и дед!). И действительно, он вернулся домой к 12 ч. ночи. Он странный мальчик, но только что я где-то прочёл о физике Кавендише и его чудачествах и сосредоточенности, о неумении или нежелании с кем бы то ни было общаться сверх необходимого. Выходит, что наш Андрей не такая уж редкостная птица, а наоборот типичен! Дай же ему бог счастья! Человеку 22 года.

Встретил вчера Матусовских и зашёл с ними к Россельсам, слушал запись стихов Бродского. К сожалению, запись неясная; не всё можно разобрать, но что человек очень одарённый, закрученный своим собственным вихрем, это ясно и в нынешней ситуации ясно до ужаса. Такого человека (23 года!) можно без труда и до сумасшествия довести. Тем более, он и приписан к соответствующему лечебному учреждению. Одно стихотворение об убийстве пьяными хулиганами какой-то девушки-невесты (которое действительно произошло где-то в окрестностях Ленинграда) очень сильное и страшное стихотворение: продиктовано первобытным суеверным страхом смерти и крови. И всё это пронзительно пережито ничем не защищённым молодым мозгом, его нервными клетками. Я слушал и как будто видел рентген этого мозга.

14 апреля

Я двигаю «Нефертити» дальше. Самое неожиданное на этот раз то, что Зое она нравится, между тем как за последнее время (т.е. пока я писал «Четвёртое измерение» – значит, целых полтора года) она была неистовым антагонистом моих вещей, почти всех, за исключением «Циркачки» и отчасти «Пикассо». Кое в чём она была, может быть, и права, но я давно уже настроен к её суду: самые верные мои вещи от «Санкюлота» вплоть до «Баллады о чудном мгновении» вызывали у неё сразу резкий отпор, как это случается у неё по отношению к несимпатичным знакомым.

Кажется, есть страницы, которые могут мне пригодиться для рассказа о Шекспире. Но что поделаешь, если кривая вывела меня куда-то в сторону. Иными словами, после полного прогула от ноября 1963 года, когда я сдал рукопись «Четвёртого измерения», снова

пошла полоса стихов. Как всегда неожиданно, внезапно... В цикле «Нефертити» уже три стихотворения, завтра будут ещё.

15 апреля

Всматриваясь в статью о свободном стихе, обнаружил бесформенное, рыхло обозначенное сырьё-полуфабрикат. Не потому, что я сам чего-то не додумал или не понял, не решил для себя. Нет! Дело, наверно, обстоит проще. Необходимо без всяких умолчаний раскритиковать соответственные стихи: Винокурова⁹³, Солоухина⁹⁴ и ещё некоторых. Но задача неприятная и невесёлая. Но если взялся за гуж... Бедная покойница Ксения Некрасова⁹⁵ тоже не может быть обойдена, и это самое тяжёлое! <...>

«Первобытная культура» Тайлора издана в 1939 году. Чуть ли не на каждой странице под текстом длиннейшие комментарии петитом (проф. Никольского), в которых автор уличается в позитивизме, в непонимании, в ложном толковании и т. д. и т. д. Комментарии назойливы, озлоблены, а по существу ни к селу, ни к городу. Они напоминают всю нашу антирелигиозную пропаганду, даже и ту, которая процветала в 20-х годах, когда не слишком грамотные и слишком развязные комсомольцы (конечно, бедняги!) распевали у церкви очень убогие частушки и пугали ими богомольных старушек, иных насмерть запугали... Впрочем, и современная борьба с религией ушла недалеко от тех времён: в ней нет достоинства и спокойствия, нет того, что нужнее всего – культуры. А сверх того нет элементарного уважения к инакомыслящему. Я не смогу защитить ни одного религиозно настроенного человека, но плевать в него тоже не хочу.

16 апреля

В цикле «Нефертити» шесть стихотворений: 200 строк за три дня. Это значит, что новая книга заварена. Заодно был в Гослите и установил, что мой двухтомник реален и к 1966 году (хотя бы к началу) выйдет. Требуется статья, я предложил В. Орлова.

В 3 ч. партсобрание в ЦДЛ, доклад зам. министра иностранных дел о китайских делах. Много подробностей, весьма потрясающих. Политика всегда вещь нечистая, но китайцы, видимо, бьют рекорд. А какой милой и незлобивой страной показался мне Пекин шесть лет тому назад. Но тамошние наши советские товарищи (из ТАСС, «Правды») уже тогда предсказывали всякое недоброжелательство со стороны китайцев, да и вероломство тоже.

Вот я закольцевал цикл «Нефертити» и весь день чистил и приводил его в порядок. Но ещё не закончено, потому что многое мне не слишком нравится и не слишком ясно. Но это такая же основа для книги, как был «Пикассо» для «Четвертого измерения».

17 апреля

Начал читать большую книгу Шкловского⁹⁶ о Толстом (биограф. изд. «Молодой гвардии»). Начал с конца, с ухода Толстого перед смертью. Шкловский – это негласный, подпольный учитель всего старшего поколения 1920-х годов. Я считаю, он больше, чем Горький, чем кто бы то ни было, причём, учитель бесшабашный, беспамятный, без заботы о себе самом и, в известном отношении, лучший вариант учителя! Написанное в последних главах книги в высшей степени пронизательно. Правда, он идёт вплотную по следам

давным-давно проделанной другими работы. И всё-таки общий взгляд, хватка, постоянное ощущение концов и начал и напряжение рассказа, – все это его, Шкловского. Сверх очень большого дарования ещё есть что-то, чего я не могу пока определить. Но именно оно делает его фигуру такой значительной, а поймут и оценят его не так скоро.

19 апреля

Прочёл уже ставший знаменитым страшный репортаж о суде над Бродским в Ленинграде. Что говорить! Самое ужасное в том, что в этих заседаниях нарсуда, как в зеркале, вся эпоха, вся действительность: беззащитность правды, совести, ума и дарования перед лицом лжи, низости, идиотизма. «Стойте прямо», «не опирайтесь о стену», «молчать, а то выведу», «марш в ссылку». Тут же, на бедных папиросных листах, наверно пятая или шестая машинописная, бледная, копия стихов Бродского. Что он такое? Несчастный юноша, самостоятельно и беспомощно ступивший на самую трудную в мире дорогу. Сказать просто, что это – дорога поэта, значит ещё ничего не сказать и не объяснить. Но это растение, обречённое расти вверх, иначе оно не может.

20 апреля

Весь процесс Бродского является не чем иным, как грубой, неумелой, но совершенно беззащитной агитацией погрома. Судя по разговорам, уже после приговора, среди присутствующих агитация была действенной, произвела то самое впечатление, на которое рассчитывали в Ленинграде. Были сделаны все обобщающие выводы: дескать, вся интеллигенция тунеядка, вот прокурор бесплатно выступал, а защитник, небось, денежки получил и прочее в том же духе...

21 апреля

Цикл о Нефертити ещё далеко не закончен. Всё в нём шатко. Мне мерещатся совсем другие входы и выходы, другое обрамление и нужно гораздо больше археологической точности, гораздо больше эпохи. Потому что остальное, лирическое и субъективное, слишком легко даётся. Сделанное в какой-то мере останется, но займёт подобающее, скромное место.

Зоя по-настоящему, серьёзно больна. Её сердечные припадки снова повторились после суток отдыха. Кардиамин и валидол помогают плохо, один нитроглицерин как-то действует и снимает боль. Лежит она уже третий день, спускается три раза только чтобы поесть. Это очень тревожно и как-то сразу надвинулось и омрачило всё на свете. Завтра едет в Москву, в поликлинику, но как же ей подняться на пятый этаж?!

22 апреля

В поликлинике Зою и меня немного успокоили. И боли, и слабость её – явления той стенокардии, которая уже установлена. То же самое констатировано благодаря рентгену и новой, второй кардиограмме. Но приказано лежать. Обязательно! Не курить, поскольку боль спазматическая от сужения сосудов. <...>

Записываю предположительно строфы внутрь «Нефертити». В этом лихорадочная потребность, неутолимая, может быть и психологическая, но надо идти на то, чтобы её удовлетворить с избытком – иначе лопнешь!..

23 апреля

Зое заметно лучше. Приступов совсем не было. Отсюда вывод, что главное – режим, полный покой и отдых. Были у нас недолго Бажаны. Обедали у нас Карло и Гюльнара. Зоя при них лежала в постели. Вечером с Каладзами пойду к Кипсе на чествование Шекспира. Это гораздо привлекательнее, чем идти в Большой театр и томиться в президиуме. <...>

Сегодня шекспировский день и Кипса устроила у себя вечером его чествование: развесила свои иллюстрации и знаменитый портрет, позвала семью Журавлёва⁹⁷ (который стал главным лицом в этом чествовании), Галю с Никой <...>. Я пришёл с обоими Каладзами. Играла музыка (проигрыватель): Бах, Прокофьев, Шостакович. Журавлёв читал «Гамлета», сонеты, «Клеопатру», его дочери – «Ромео и Джульетту». Я прочёл два свои стихотворения о Гамлете. Карло очень мило рассказал о Шекспире в Грузии. Всё это было неожиданно и хорошо.

24 апреля

Посмотрел на себя и на своё чтение – то, что было снято для телевидения месяц или более тому назад. Чтение, голос, интонация приблизительно в порядке, но следует всё делать мягче, тише и скромнее. Слишком много вкладываю энергии и темперамента, слишком по-актёрски выпукло. Но вот внешний вид совершенно плачевен. Я действительно дряхл, невзрачен. Заметил к тому же мышечное напряжение: где-то на лбу, у надбровных дуг, поэтому и глаза какие-то неживые, напряжённые. Жест большей частью удачен, но бывает, что слишком быстр и опережает надобность. Костюм – серый пиджак, тёмная рубашка, шарф – решительно не годятся. <...>

Переписал заново «Нефертити». Что-то в ней не клеится, а что именно, не разберу. Может быть, самый феномен Любви исчерпан в моей лирике...

25 апреля

То ли это Шекспир, то ли режиссёр Козинцев⁹⁸ и Гамлет-Смоктуновский⁹⁹, то ли я такой благодарный зритель, не знаю, но в течение 2-х с половиной часов меня трясло, слёзы подступали к горлу... И вот уже вечер, и совсем не хочется отдать себе отчёт, в чём всё-таки дело, откуда сила этого воздействия. В конечном счёте, видимо, в полном серьёзе участников, наконец-то поверивших в Шекспира! Первый среди них, конечно, Козинцев.

Он занятный выдумщик, художник особого склада и стиля, но в этом случае – намного выше себя и своего склада. У Смоктуновского необыкновенное лицо! В нескольких ракурсах такое, что ничего лучшего нельзя вообразить. Очень много интонаций, которые звучат абсолютно, как тон гениального скрипача. Есть и менее найденные, но это неважно. Король, могильщик, Лаэрт – все великолепны. От Офелии (прочтя рецензии) я ждал большего. Если тут есть удача, то она только козинцевская. Сцены с нею Гамлета может быть лучшие у Смоктуновского.

Важно, что всё раскрыто, уточнено, конкретизировано согласно Шекспиру, не вычитано прямо из текста, а добыто догадкой и она оказалась безошибочной, не с потолка.

Давным-давно я читал статью Козинцева о «Гамлете», которая удивила меня прозорливыми догадками и общим тоном историка, изыскателя и знатока. Так это его кинематографическое (шире: сценическое) решение росло в нём множество зим и лет.

И слава богу, что оно осуществилось. Вот чему можно позавидовать! Очень даже позавидовать.

26 апреля

Зоя прочла весь мой цикл и разгромила его в прах: рифмоплётство, хватило бы одного стихотворения, я ничего толком не знаю, размазано и т.д...

От В. Орлова письмо. Согласен писать статью для моего двухтомника. Говорит, что процесс Бродского – малая деталь общего положения в Ленинграде.

Что бы там ни было, я на «Нефертити» решительно и бесповоротно ставлю точку. Это тот самый предвиденный момент, когда дальше ехать некуда, и малейшее прикосновение может только ухудшить дело.

На «Гамлете» сидел рядом с Андреевым-Кривичем¹⁰⁰, который жалуется на то, что негде печатать его новую работу о Лермонтове. В частности, Лесючевский его не признаёт и тормозит дело в «Сов. писе». Та же история была и с его первой работой. Между тем, это лучшее, что есть в Лермонтовиане в отношении новых открытий: один Измаил-бей чего стоит. Надо помочь и пробить его в «Сов.Писе», хотя бы к 150-летию. Буду действовать через Е. Н. Конюхову послезавтра в Москве.

27 апреля

Поэт обязан быть точно в том возрасте, какой обозначен годом его рождения, ни старше, ни моложе. Какой он есть, такой и нужен и единственно возможен в стихах. Мне пришло это в голову после чтения многих молодых поэтов. Современное поветрие – молодятся сверх меры, прикидываются «мальчиками». Я в молодости прикидывался стариком. Это было глупо. Но современная мода сверх глупости ещё и пошло-самодовольная. Человеку двадцать пять лет, а ему всё мерещится какой-то собирательный «парнишка».

28 апреля

Козинцев получил звание Народного артиста СССР. В. Орлов писал, что его пригласили открыть «Гамлетом» всемирный кинофестиваль в честь Шекспира в Лондоне. Надеюсь, что всё это – первые ласточки. Этот фильм вообще обречён на грандиозное путешествие во времени. Говорю как пророк и ясновидец.

А вот Россельс (по словам его жены) говорит: «Дрянь, провинция...». Чудаков¹⁰¹ выходит из зала с кислой улыбкой и цедит сквозь зубы: «Плачевно...». Я отскочил от него, как ужаленный. Конечно, восприятия всего на свете могут и должны быть разными. Мы сами виноваты в том, что привыкли к выработке «мнения всей нашей общественности», и свою уверенность в чём бы то ни было склонны считать выражением именно её, а не собственным достоянием.

А «Нефертити» всё-таки удалась!!

29 апреля

Сюжет «Гамлета» только в сцепление случайностей, в избытке жизненной игры. Сюжет «двигают» самые неожиданные события: случайный приезд комедиантов и случайное убийство Полония. То и другое не вытекает из «сквозного действия», но как раз в этом, только в этом сила Шекспира, его противоположность и античному театру, и ещё больше, всяческому классицизму. Он начинает шахматную партию с того, что путает фигуры. В «Гамлете» и во всех комедиях это делается с поразительно бесшабашным удалством. «Гамлет» по своему стоит «Много шума из ничего» и даже «Сна в летнюю ночь».

Пришла Белла. У неё в доме и в семействе тишь да гладь, да божья благодать. Однако спохватываться задним числом, что вот дескать нечего было тревожиться, горевать, нельзя. Во всех подобных случаях необходимо быть на чьей-то стороне. И если мы, Зоя и я, выбрали сторону Беллы, то это не зря. Самое плохое – стоять посередке и ждать, авось уладится... Всему этому семейству «Гамлет» совершенно не понравился.

1 мая

Привожу в относительный порядок новые стихи, в их числе и «Нефертити». Как ни странно, она ещё не надоела мне.

Заходил утром к Фишу, смотрел снимки с работ шведского скульптора, великолепная ёмкость в том, как преодолена неподвижность мрамора или бронзы – то самое, что, кажется, первый пытался осуществить Фальконе в Медном Всаднике¹⁰². На высоком столбе грубой каменной кладки крылатый летящий Пегас, а всадник отделился от него и летит вперёд, касаясь конского крыла одним пальцем правой ноги... Головокружительная скульптура.

Заходили Россельс и Лев Копелев¹⁰³, последний ахал на Зоины новые вещи. И действительно можно остервенеть с досады, что всё это стоит у нас, доступное только нескольким друзьям, знакомым, случайным гостям!.. Осенью во что бы то ни стало – выставка!!!

2 мая

Сегодня Геннадий Фиш привёл к нам Елизаара Мальцева¹⁰⁴ и его жену, славную женщину, знаменитую своими любительскими фильмами. Немедленно началась съёмка: наша частная жизнь, Зоины скульптуры, всё, что и в комнатах и в саду. Затем была приглашена Белла, включил и её в это дело, после чего отправились к Нагибиным, чтобы снять также и их. Предполагается ещё снять Фишей, Верейских. У неё целая серия таких «писательских» фильмов.

3 мая

Помаленьку двигаю сказку, которая может стать и повестью. Помаленьку по двум причинам: очень в ней не уверен и всё отвлекает. Из того приключения, которое взято за основу сюжета (Шекспир – Копьетряс) получается драматизм, но как использовать его эффект – мне ещё не ясно. <...>

Ум Тайлора (опять взялся за «Первобытную культуру») трезвый, здравый, уравновешенный и твёрдый. Масса материала и сведений, которые он собрал, конечно, расширили его кругозор, но как раз в тех пределах, которые ему требуются. Это очень типичное, европейское явление, диаметрально противоположное русскому уму, который и без водки пьян и без большого знания широк. В конечном счёте предпочтителен второй, русский ум. В результате он даёт Достоевского и сколько ещё других, немеряных и несчастных! В сказанном нет и тени квасного патриотизма, скорее – горечь!

4 мая

Вчера вечером Белла привела к нам американского журналиста Эдмунда (фамилию забыл), который живёт в СССР уже 28 лет, и с ним какого-то парня Кирилла, молчаливого и весьма загадочного. Всё это для показа Зоиных скульптур. Затем я пошёл к ним, там оказались ещё гости, среди них Инна Кашежева. Пили виски, читали стихи. Пахра становится своего рода Веймаром. Не знаю, нравится это или нет кое-кому в Москве, а мне кажется только неизбежным и естественным «Литература будет там, где находимся мы» – старинная формула Шкловского.

5 мая

Читая Тайлора, дошёл сейчас до главы о мифологии. <...> Он сложнее и глубже, чем мне показалось. Он о мифах, о поэзии, о языке говорит с волнением и сильно, особенно в начале. <...>

Вчера у Нагибиных я нашёл новый способ читать Пикассо: гораздо проще, с юмором, с житейскими интонациями, почти разговорно. Да и многое другое у меня слишком напряжённо и приподнято. В тексте этого нет, а я держусь на голом пафосе и не доношу существа дела.

Опять начал работать над Копьетрясом, все линии сюжета уже обозначились: есть и Шекспир, и подобие любви, и восстание Эссекса, – всё это связывается довольно естественно и произвольно, непринуждённо, но каждый следующий шаг и поворот даются нелегко. Законы прозы мне не очень близки и понятны, хотя, казалось бы, они проще, нежели лирическая эмфаза и поэтическое вдохновение. Сама простота устрашает с непривычки.

6 мая

Написал рецензию на книги Фиша, давно уже заказанную мне редакцией “Современника” и отзыв о романах Ладинского (по просьбе его вдовы Вайшенхер).

Насчёт «Нефертити». Мне всё время приходят в голову новые варианты, причём, безусловно, лучшие! Пока дело обстоит именно так. Попутно выясняется и общий тон вещи: это сказка, она обязательно должна включить в себя непринуждённость в развитии фабулы, вплоть до сатирически гротесковых образов. Пафос и без того имеется, его надо разводить и разжижать противоположными эффектами, всеми способами.

Другая работа – «Копьетряс» – тоже на ходу. Тут ещё нет и не может быть никакой уверенности: валяю, что приходит в голову, а конца даже не предвижу и боюсь о нём думать. Донесение русских послов – документ по-своему удивительный. Принимая в расчёт младенческое состояние тогдашнего разговорного и делового языка, всё же идиотический

педантизм московских бояр и подьячих не поддаётся описанию. В нём нет ни чувства собственного достоинства, ни патриотизма, сплошная тупость и спесь, обидчивые придирки, формализм, канцелярщина, ни одного живого и непредвиденного слова или жеста!

7 мая

Выступление в Доме учёных в 6 ч. вечера. <...> В Доме учёных всё прошло хорошо, хотя аудитория была на редкость тугая, невесёлая, маловосприимчивая – какие-то тётки и свояченицы второстепенных деятелей. Но раскатать её удалось. Выступали многие: Ленч, Наровчатова, Драгунский, Снегова, ещё кое-кто¹⁰⁵. У Наровчатова очень сильные и живые вещи, он понравился мне в первый раз за много лет. Я читал «Пикассо» и «Чудное мгновение» – хлопали вовсю.

Полевой прислал очень милое письмо – благодарность за Шекспира. Письмо от М. Суетнова, по его просьбе шлю ему рекомендацию для приёма в Союз (в Горьковское областное отделение).

8 мая

Серёжа Васильев вручил мне письмо, полученное в редакции «Октября» и долженствующее быть напечатанным в журнале. Автор его Юрий Полетика. Речь идёт о моём стихотворении «Сараево 1914». Письмо характерное. Масса фактов, которые уличают меня в неточностях, в искажении и прочем. Называется письмо «О домислах и вымыслах» и в скобках: «Неприятный разговор с поэтом П. А-ским». Тон тяжёлый: какая-то застарелая, затхлая злоба против всего на свете. Ответить такому автору – задача непростая, потому что легко сбиться «на личности». Но ответить придётся. Вот не думал, не гадал о такой работёнке. Нужна она мне, как прошлогодний снег.

11 мая

Отстукал на машинке ответ на письмо Полетики (в «Октябрь») и для собственной уверенности дал прочесть письмо и ответ свой всем, кто был у меня. Утвердился полностью в том, что прав. Геннадий кое в чём помог мне, даже не он, а его жена, Таня, так что я снял некоторые резкости, чтобы зря не обижать человека. Оказывается, Таня давно знала его. Служа в разных редакциях, она получала от него различные, большей частью крайне желчные письма. Это действительно пострадавший человек, долго пробывший в наших концлагерях. Брата его (автора статьи, на которую он ссылается) расстреляли. Значит, при всей открытости разговора, не меняя своей позиции, с ним надо быть сугубо осторожным.

12 мая

В «Октябре» я попал сразу к Кочетову¹⁰⁶ и ко всем деятелям критического отдела. Тут выяснилась интересная картина. Оказалось, что они ждут меня, чтобы решить: печатать ли письмо Полетики или нет. Я предложил, чтобы они прослушали мой ответ и после этого сами решили, как поступить. Чтение возымело необыкновенное действие. Насколько всё это искренне и, главное, насколько остро они воспринимают ситуацию, не знаю. Но они прямо ухватились за мысль печатать и письмо и обязательно мой ответ, придавая этому

делу особо важное значение. А в чём оно? Кажется, их привлекает привкус известной сенсации в самом споре учёного с поэтом, да ещё так, что поэт кроет почём зря учёного.

Был ещё в “Литературной России”, условился, что «Нефертити» пойдёт там. Но к субботе надо сдать статью об Азербайджане: 150 лет присоединения Азербайджана к России. Надо написать мало и картинно. Может быть, закончу стихами... Где-то у меня есть старинный черновичок, хочу его дописать, мне надоело действовать. Неужели нельзя просто жить и тратить время зря! Кто меня загипнотизировал?

13 мая

Это очень серьёзный вопрос: кто или что гипнотизирует меня? Зачем нужна эта торопливая, суетливая деятельность, озабоченность чем-то неопределённым, вечное старанье куда-то не опоздать, доделать, а вслед за этим старанье (неприкрытое) выдвинуться, добиться успеха... Нет ли в этом оттенка Репетилова? Ведь в конце-то концов вертишься, как белка всё в том же колесе, имя ж ему – литературная известность, не более того. Все телефонные звонки и все ответы на письма сходятся в одном этом фокусе, особенно на старости лет. <...>

Читаю книгу и, кажется, она замечательная – роман французского современного писателя Р. Мерля «Остров»¹⁰⁷. Здорово продумано. Замечательно рельефные контуры. Да, это сделано на славу и в целом охватывает множество вещей. Даже чем-то неожиданно для француза! <...>

16 мая

Утром получил удивительно милую открытку от Козинцева – ответ на мою восхищённую телеграмму.

17 мая

Написал письмо Козинцеву, кажется, хорошее и ему же посылаю статью о Шекспире.

От Булата Окуджавы (он теперь живёт в Ленинграде, женился там) получил письмо со стихами, которые он сочинил больше года назад, после моей статьи «Отцы и дети», после погрома в ЦК, очень умные и смелые стихи, мне посвящены.¹⁰⁸ Думаю, что петь их нельзя, т.к. слишком длинные строки (размер кипплинговской баллады).

В 1947 году Толя Тарасенков¹⁰⁹, царство ему небесное, подарил мне собственноручно переплетённую записную книжку. Я использовал её как институтка, чтобы другие записывали в ней стихи, мне посвящённые¹¹⁰. Книжка почти заполнена. Кого только в ней нет! Вся современная молодая поэзия: от Недогонова¹¹¹ и Гудзенко до Беллы и Булата Окуджавы.¹¹²

18 мая

Вчера вечером у Фишей была очень славная компания. Прежде всего Халифман с женой.¹¹³ Выглядит он моложе, чем можно себе представить по книгам. Но как-никак 52 года.

Скромнейший, милый, молчаливый. За плечами многолетняя изнурительная борьба за своё слово, за издание книг и т. д. Книга о муравьях 8 лет ждала издания. ЦК ВЛКСМ издевается над ним, как только можно. Только недавно получил квартиру, а до того жил с женой в восьмиметровой комнате. Короче, ещё одна ужасная судьба писателя и учёного, книги которого переведены на 20 или 30 языков. Его не травят, а попросту делают вид, что он не существует.

Был ещё Ромм.¹¹⁴ Как всегда, «рассказчик в ударе»: говорил про идеологическое совещание (шло два последних дня – полный бред), про Польшу, китайцев и многое ещё.

19 мая.

Целый день рисую обложки для «Шекспира» и это занятие грозит тем, что увлекусь и снова начну серьёзно рисовать.

Читаю египетские книги и не жалею, что забыл о них, пока писал «Нефертити». Всё равно ничего не взял бы оттуда, а по существу в поэме нигде не ошибся.

Вечером у Матусовских. Им предстоит очень тревожное и трудное время. Послезавтра Лена¹¹⁵ ложится на операцию. Операция очень серьёзная, в области сердца. К этому давно, уже несколько лет они готовились с трепетом. Операция неизбежна. У девочки врождённый сложный порок сердца, и это постоянная угроза не только здоровью, но и жизни.

20 мая

Довёл сегодня «Копьетряса» до той точки, когда надо либо бросить работу, либо исхитриться и выдумать нечто сверх всякого вероятия! Горит театр «Глобус»! Я нарочно перенёс этот пожар, на самом деле случившийся позже, в гущу своего повествования. Здесь обрывается обыкновенный повествовательный ритм и, раз уже произошло это ЧП, надо действительно обострить и взаимоотношения и характеры, а главное по-новому обосновать присутствие в рассказе моего главного героя Копьетряса. Это задача нелёгкая!

Но боже, какая безнадежная серость в небе и сырость на земле! Каждый день такого мая угрожает и будущему урожаю на всей земле и нашему саду в отдельности. Нарциссы, белые и жёлтые, успели выйти из-под земли, но уже пожухли и судьба их решена. То же самое произойдёт с бутонами тюльпанов.

22 мая

Перечёл всё, что написано в «Копьетрясе» и вижу, что это бездарная схема и конспект. Своими глазами я ничего не увидел и приступил к делу не только без замысла, но и без внутреннего импульса, без чувства необходимости. Этак можно и сто страниц исписать без затраты души.

24 мая

Я по-прежнему ничего не делаю за исключением того, что «двинул» на полстраницы вперёд Копьетряса, но эти полстраницы очень решительные: благодаря им выясняется возможность неожиданного и эффектного конца.

25 мая

С Кирсановым бродили по посёлку и соседней территории, купили бутылку коньяка и распили её за обедом. Прочёл ему часть «Копьетряса». Дал мне очень умный совет: с самого начала в разговоре с англичанами (Шекспиром и другими) яснее показать профессию Копьетряса как скомороха и благодаря этому остальных – с большим интересом и участием к нему. Расспросы Шекспира о русском театре, бесовские игрища, ярмарочные увеселения, – всё это можно извлечь и пустить в оборот. Тут и суеверия, и леший с Бабой-ягой, может быть, где-то и злосчастье. Недавняя эпоха Грозного и интерес Шекспира к «Тирану».¹¹⁶

28 мая

Условился в “Литературной России”, что «Нефертити» будет напечатана в конце июня, ровно через месяц. Так я себе делаю подарок ко дню рождения. Получил номер со статьёй об Азербайджане – выглядит шикарно. <...>

29 мая

Несколько последних дней я возился с одним куском в «Нефертити»: пытался не то развить его, не то укрепить, вставил две или три новых строфы, – и вот это оказался как раз тот, заранее предвиденный случай, когда я искалечил уже готовую вещь. И слава богу, что опомнился. Больше не прикаснусь к ней, и следует это скрепить какой-нибудь клятвой.

Читаю письма и дневники Байрона, которые недавно вышли в серии памятников Академии наук. Странное и совсем неожиданное впечатление! Байрон – благодушный, благожелательный человек, добрый, спокойный, по-своему даже скромный. То есть полная противоположность сложившейся репутации. Кроме того, он – решительный литератор-профессионал, без всякой рисовки, которую можно было предполагать как следствие аристократизма. Так нет же! Пресловутый аристократизм, кастовость очень умерены в нём, он прошёл хорошую гуманитарную школу, не говоря уже о том, что современник Французской революции в нём тоже очень силён. Его участие в деятельности итальянских карбонариев (на котором так настаивал А. К. Виноградов), очевидно, было не столь уже ответственным и напряжённым. Он просто им сочувствовал и готов был в случае настоящей нужды сам взяться за оружие. Но совсем особое дело – Байрон и женщины. Это, конечно, Казанова, но с рефлексией. Загадка сводной сестры Августы, очевидно, объясняется вполне просто.

30 мая

Продолжаю читать Байрона. Впечатление моё укрепляется. Это необыкновенно здоровое и, прежде всего, нравственное существо. Сам он считает, что «Каин» написан в «весёлой метафизической манере». Откуда произошло такое неожиданное определение? Ему по нраву, по сердцу непринуждённая игра ума, коррективы, внесённые в Священное Писание на основе Кювье. Веселье в том, что сшибаются лбами два мира, два мировоззрения. В начале прошлого века это было действительно весёлой дерзостью, поддразниванием публики.

31 мая

Важно, что Байрон был первым в ряду очень многих людей XIX века, да и позже, таких, которые не довольствовались только судьбой художника (поэта). Его определение «поэзии политики» может быть самым главным для его понимания. Первым он был и среди тех, которые почти добровольно и сознательно напарывались на возможно более раннюю смерть. Это не замаскированное самоубийство, а нечто большее – желание и смертью дать людям пример жизненного поведения (смерть как поступок). Пушкин, Грибоедов, Лермонтов в том же ряду.

Вечером была гроза, дружная, короткая и очень красивая. Это можно считать началом лета. Кот стремительно вернулся домой и мирно заснул на обычном месте, но как только кончилась гроза и дождь, так же стремительно бросился на волю. <...>

3 июня

В “Сов. писе” сверка «Четвёртого измерения». Она уже выслана из Тулы, так что завтра должна прибыть в Москву. На книгу прозы по плану отпущено 20 листов; это, кажется, меня вполне устраивает. В ЦДЛ видел Мишу Светлова.¹¹⁷ Он худ и прозрачен, как кентервильское привидение, облысел (в результате какого-то лечения), но это тот же Светлов, вне возраста. На свете случаются чудеса и, может быть, новое средство от страшной болезни спасёт его!..

4 июня

Купил вчера книгу о Врубеле¹¹⁸. В ней масса писем его и к нему, воспоминания о нём, дельные примечания ко всему этому и, наконец, статья. Наконец-то приличная, воздающая должное, с попыткой объективной оценки! Такая книга могла и должна была бы выйти лет 30-40 тому назад, но увы, спрашивать не с кого, разве что с покойников.

5 июня

В книге Врубеля много воспоминаний о нём разных людей. Очень хороши воспоминания старшей сестры и Прахова. И в других есть замечательные подробности. Удивительно мало написала жена, знаменитая Н. Забела, которую он так обожал. Но, кажется, самое верное написал Головин¹¹⁹: он говорит об удивительной классичности Врубеля: «убедительность, внушительность», «есть какая-то безошибочность во всём, что он сделал».

7 июня

Начал обрабатывать своего «Гюго» для книги. Старая статья была когда-то написана с подъёмом, в ней менять ничего не приходится, но уж очень она короткая и беглая. Прибавлю не для творческой, поэтической характеристики (того, что есть, достаточно), но только жизненной: речи, слова, поведение, жест. Гюго интересен и в печальном и в смешном и в аффектации. Надо написать так, чтобы самое смешное в нём и даже отрицательное (что, конечно, тоже имеется) всё-таки возбуждало симпатию!

8 июня

Сделали с Зоей большой круг в лесу, километра в 2-3 (для меня это неслыханно много) и всюду наблюдали дикую гнусность запустения всего: земли, леса, каких-то заброшенных пахот, заросших бог знает чем... и это образ всего хозяйства в стране.

То, что люди всё-таки продолжают как-то жить, просто непонятно.

Нигде нет и следов труда на земле!

10 июня

С утра в Москве и в 6 ч. вечера, как было условлено, заехал Миша, и мы отправились выступать у хирургов. В том самом корпусе, где сейчас находится Леночка. Я её видел и долго разговаривал с нею. Впечатление гораздо более простое и хорошее, чем я думал. Она сильно похудела (11 кило потеряла), но человек на ногах, живой, ходит по лестнице, садится, двигается. Предполагается, что завтра её выпишут.

Выступали Симонов, Матусовский, Б. Ласкин¹²⁰ и я. Аудитория – среди неё много славнейших и семижды знаменитых кардиологов – конечно, очень чутка и восприимчива ко всем оттенкам. Каждому из нас преподнесли пуки цветов.

12 июня

15-го в понедельник созывается, наконец, Лермонтовский комитет. Вместе с повесткой прислан предполагаемый план проведения юбилея. Не предусмотрены две главные вещи: открытие памятника (ни в Москве, ни где-либо ещё) и всесоюзная выставка. Вместе с Макашиным¹²¹ изучали присланный документ. В целом всё как всегда, т.е., очевидно, списано с какого-нибудь предыдущего юбилея. Председатель Грибачёв. Тоже не очень приятно!

Перечитываю великолепную книгу «Боги, гробницы, учёные» Керама¹²². Этому замыслу и плану просто можно завидовать. Керам не ахти какой мудрец и гений, но очень одарённый малый. И поскольку поставил себе задачу увлечь читателя, чистосердечно и добросовестно выполняет её. Это ему легко, потому что он сам увлечён.

15 июня

Едем в Москву с Макашиным. Только подъезжаю к ЦДЛ, навстречу Володя Орлов, приехавший к Лермонтовскому комитету. До комитета состоится пленум московских писателей, совершенно дохлое предприятие, и я быстро с него смотался.

В три часа Лермонтовский комитет. Грибачёв очень неумело председательствует, как будто везёт перегруженную телегу по грязи. Два главных пункта предстоящего торжества¹²³ – памятник и выставка – тонут в глупых мелочах, но то и другое в сущности и не предусмотрено, а время давно упущено. Памятника опять не будет, вместо всесоюзной выставки (как пушкинской в 1937-м) лишь слабенький эрзац в литературном музее. Это очень плохо!

17 июня

Весь день с В. Орловым и Е. В. Юнгер в Шахматове, на том месте, где была усадьба Бекетовых, где прошло детство, отрочество, юность Блока. Не побывать там хотя бы раз в жизни грешно. Нам повезло: нашёлся в соседней деревне Гудино военный инвалид (гораздо моложе меня), который привёл нас к тому самому месту, где стоял когда-то дом. Густая лесная, бывшая когда-то садовой, заросль. Стена дикого шиповника, старые акации, столетний серебристый тополь со стволом в четыре обхвата. Пробриться сквозь эту глушь почти невозможно. Представить себе, что пятьдесят лет назад (всего только) здесь жили – оседло, домовито, счастливо – люди, что у них были книги, лошади, ухоженные цветы, гости, посуда, невозможно. Что здесь рос любимый ребёнок, сын и внук, тоже невозможно. На пять километров вокруг никакого человеческого жилья. Всё пусто и дико.

Володя и его жена восторженно умилялись и радовались, что побывали здесь, но, сказать по правде, у меня главенствовала печаль, тоска, даже злоба: на всю русскую жизнь, на всю историю, которая так не бережёт себя и свои памятники!

Это можно сравнить с остатками культуры Майя в мексиканских джунглях! Только там сохранились храмы, стены, статуи, а здесь – ни одного кирпича.

И это невыразимо печально. Это был цвет и краса народа, нации, не в последнюю очередь цвет и краса дворянства. Поколения русских людей создавали эту высокую духовность, эту доброту, этот очень небольшой (сравнительно) недостаток, этот милый, приспособленный для личной нужды уют.

18 июня

Весь день под гнётом того, что видел в Шахматове.

Это ужасно! Как может пропасть так бесследно такая напряжённая и так много значившая человеческая жизнь?

Как могло случиться, что никому не захотелось хоть что-нибудь сохранить здесь?

Ведь были же друзья, родные, поклонники, почитатели... Были исследователи, которым, наверно, необходимо хотя бы швырнуть глаза на такое место...

Наш гид (довольно глупый малый) говорил, что люди там бывают, ищут, расспрашивают дорогу... Студенты, старики, писатели.

Вся окрестность вокруг запустела и обезлюдела. Из деревень жители тянутся в другие места. Это как везде. Мы видели «путь, открытый взорам» и «жёлтой глины скудные пласты» и открытые дали, которые так любил Блок, и ещё многое, что напоминало и строки его, и чувства. Единственно, чего не видели, – людей, их труд, их оседлость и какой бы то ни было быт.

19 июня

Явился мой корреспондент с недавнего времени – владивостокский поэт Игорь Кравченко. Он военно-морской врач, невропатолог по профессии. <...> Ему 27 лет и он томится и несчастен, сравнивая себя с Лермонтовым в том же возрасте. Мы вместе с ним пообедали в ЦДЛ. Я познакомил его с Сергеем Васильевым и устроил ему приглашение побывать в “Октябре”. Ему можно пожелать успеха, потому что, во всяком случае, он чистый, честный и серьёзный парень.

Получено письмо от Полетики. Он согласен на сокращённый вариант своей статьи. Один из пунктов его согласия уморителен: он просит, чтобы ответ А-ского был учтивым! Наверно, привык, бедняга, ко всяческому битью!

20 июня

Кирсанов привёл ко мне своего друга Б.Г. Кузнецова, автора замечательной книги об Эйнштейне. Кажется, я писал о ней в этой книжке. Он принёс и новую свою книгу о Галилее. Кажется, книга того же типа: широчайший кругозор и склонность к таким же обобщениям. Он работает в Академии наук по отделу истории естествознания и в Эйнштейновском комитете, где центр его научных интересов. Книгу о Галилее он мне подарил. Фигура, наверно (хочется верить!), незаурядная. Деятельный, живой и острый ум. И сверх того, умная весёлость, которая вообще дороже очень многого в человеке. За нею стоит свобода от всяческой предвзятости, антидогматизм, игра ума. Танец ума! Впечатление моё поверхностно: я невольно связываю человека с тем, что и как он пишет.

21 июня

<...> Книга Кузнецова о Галилее всё-таки хуже, чем его Эйнштейн. Там обилие материала, но он не подавлен ему, а уверенно владеет. Здесь материал скуден, и автор плавает туда и сюда вплоть до того, что путается в терминологии. Чем биографичнее, тем лучше, потому что появляется живопись, живая речь, рельеф.

22 июня

В целом книга Кузнецова о Галилее лучше, чем она показалась мне сначала. Всё это серьёзное, толковое и, по мере возможности, популярное исследование о великом человеке. Главное же в том, что он по-настоящему увлечён своим предметом и любит героя. Этим дышит каждая страница. Конечно, Галилея полюбить не трудно, но у нас есть множество таких книг и монографий, от которых несёт серой скукой равнодушия, приблизительного знания и величайшего рвения полемизировать задним числом на расстоянии чуть ли не веков. Это ни с чем не сравнимое бедствие.

Кое-что делаю для «Гюго», пока урывками, отдельными кусками и залпами... при переписи всё это встанет на место и свяжется.

23 июня

Послал В. Орлову грузинскую свою книгу и письмо насчёт памятного камня в Шахматове.

По поводу Гюго у меня мелькает соображение, что, может быть, я защищаю заранее проигранную позицию. Всё-таки Гюго не идёт в сравнение с теми образами, которые определяют книгу! От Пушкина до Блока, даже до Семёна Гудзенко, от Шекспира до Рембо¹²⁴ – всё это о высокой, предельно высокой правде. Гюго выглядит в этой компании каким-то комедиантом... и чем больше я его прихорашиваю, тем рельефнее торчат углы и белые нитки. Но отказаться от него тоже немислимо. Надо расплачиваться за свою собственную любовь. Всё это пришло мне в голову, когда я стал перечитывать книгу его

поклонника, где автор лезет вон из кожи, доказывая чуть ли не святость Гюго, вообще всячески его превознося и преувеличивая.

29 июня

С утра мы в Москве с тем, чтобы рано утром двинуться в поход через Новгород и Псков на Пушкинские Горы, в Михайловское и Тригорское. Это мечта почти тридцати лет.¹²⁵

30 июня

Ровно в 7 ч. утра мы выехали со двора на улице Щукина и двинулись сквозь пустую Москву на Ленинградское шоссе. <...>

Дорога от Новгорода до Пскова хороша прежде всего тем, что почти насквозь пустая. Легковых машин мы не видели ни одной. За исключением нескольких участков (в ремонте, и работа действительно идёт полным ходом), дорога в очень хорошем состоянии, хоть и не бетонирована, и значит асфальт требует постоянного сезонного ремонта.

Но земля-кормилица, мать-земля не возделана, заросла бог знает чем, мелкоколесье не вырывают, трава почти нигде не скошена и гибнет. У людей крохотные огородишки, и это единственное доказательство того, что земля богата и может родить ещё большее богатство.

Картина же в целом свидетельствует о том, что вся государственная система опеки и «заботы» провалилась уже не вчера, не третьего дня, а гораздо раньше, но продолжает снова и снова безнадежно проваливаться на каждом шагу и во всех областях жизни и хозяйства.

1 июля

Проснулся в семь утра в гостинице «Волхов» в Новгороде. Мне исполнилось 68 лет. Так определяется автор в координатах пространства и времени. Зоя ещё спит. День сначала был пасмурный, но уже с полвосьмого светит солнце.

С полпятого мы уже в Пскове. Мне не хочется уместить на этой странице того, что всё равно не уместится. Поэтому о главном. Такое впечатление, что чем дальше от высшего начальства, тем проще, зажиточнее, добрее и веселее живут люди. Ни в Новгороде, ни в Пскове совершенно не видно милиции, но порядок очень приличный. Пьяных я не видел ни одного, но слышал жалобы на командированных. Псков зеленее всех южных городов, деревья больше старые, столетние: липы, тополя. Это края, предоставленные самим себе, своему росту и, по мере возможности, благоденствию. Памятники старины содержатся образцово. В Новгороде я снял множество церквей, из коих многие архитектурно восстановлены после войны.

2 июля

Сегодня весь день в Пушкинском заповеднике, в Михайловском, Тригорском, в Святогорском монастыре у могилы – цели всего путешествия. И опять, если выделить главное, то это не Пушкин, не «воздух, которым дышал он» (так выражаются некоторые пошляки), а совсем другое: удивительно благородный труд наших современников, которые заново восстановили всё это до мелочей уже после войны. И продолжают восстанавливать

ежедневно и ежечасно. Ещё одно важное: множество туристов и экскурсантов со всех концов страны: Москва, Ленинград, Прибалтика. В целом же явление единственное в своём роде. Не говорю о красоте пейзажа, деревьев, реки, озёр... Этой красотой земля вообще и Россия в частности полны до краёв. Продолжаю гнуть своё: это существует только потому, что осуществлено: построенное, возделанное, ухоженное и благоустроенное сегодня, а не когда-то в прошлом.

3 июля

В самом заповеднике непрерывно идёт работа. В Михайловском около дома Пушкина восстанавливаются (строятся заново) и другие строения, службы, где жила дворня. Усадьба, сад, парк, огороды, фруктовые деревья, – всё это восстановлено по старым межевым планам. Подлинных, мемориальных вещей очень немного, но те, что найдены взамен или сделаны как копии, прекрасны. Воспроизведена обстановка картины Ге (Пушкин и Пущин). За всем этим – любовь, старание, поиски по всей Псковской области, изобретательность. Памятник на могиле ничтожен и безлик, но именно такой оставил в наследие XIX век. И сколько бед претерпел он за сто тридцать лет! Трогательно убран предметами крестьянского обихода домик няни: прялка, кухонная утварь, чугуны, поставцы для лучины. Замки на дверях специально сделаны слесарями по старым образцам. Таких примеров труда и находки уйма.

5 июля

С утра опять на Пахре – и всё как было – и цветы (красные лилии устроили дикий пожар), и коты, и Зоина скульптура, и хлам в моей комнате, и книги, и почти вслед за нами приход Беллы, и вечером приход Фишей, и чтение с ними стихов Мандельштама¹²⁶, Ходасевича¹²⁷, Б. Лифшица¹²⁸, и длинный разговор за полночь, – всё о том же. Эта тема – центр нашей галактики, а вокруг неё вертятся мелкие звёзды поэзии, личной жизни, дружбы. И тема эта четырежды несчастная и семижды ненавидимая – наше общее положение на белом свете, положение всей советской интеллигенции, а может быть и всего народа. И, как всегда, хвала господу богу за то, что существует Пахра, хвала уже типично стариковская, надо полагать, потому что она выражает удовольствие от возможности ни в чём не участвовать, довольствуясь чесанием языков за чайным столом...

8 июля

В Москве. Над моей книжкой «Четвёртое измерение» разразилась всё-таки гроза в Главлите. До какой-то степени я мог ожидать чего-либо в этом духе и действительно ожидал, тем не менее здорово разволновался, когда узнал, что и «Чёртова перечница» и «Концерт басен» должны слететь к чёрту и что это, по-видимому, неизбежно и бороться за них дело безнадежное. Так обстоит моё несчастное дело.

Умер Маршак. Это, конечно, очень большая утрата.

11 июля

Только я сел за «Гюго», явился парень из Ленинграда – Миша Юпп¹²⁹, однажды уже приезжавший ко мне года два назад. Он тоже пострадавший в связи с делом Бродского,

много раз отмеченный в ленинградской печати. Стихи у него плохие, малограмотные, претенциозные крайне (одна из претензий – на «битника»). Всё это уж очень провинциально, свидетельство того, как низко опустился, шутка ли сказать, Ленинград. Но парень он безобидный и в целом глубоко несчастный: только сейчас, 26-и лет, сдал за десятый класс средней школы, хочет поступить в Москве в Библиотечный институт. Я оставил его ночевать. Из этого парня ничего не выйдет. Стихи его не только жутко безграмотны, но и вообще ни о чём. Какая надобность толкает его писать стихи непонятно. Мыслей в голове нет. Языка совсем не знает.

12 июля

Несмотря на гостя, кончил сегодня «Гюго» и стало быть книга вся завершена. Повезу сегодня вечером «Гюго» и «Багрицкого» перепечатать на машинке и сдать в “Сов. пис”.

Гость мой спал чуть ли не до 9 часов. Сейчас гуляет по участку. А мне до ужаса не о чем разговаривать с ним! Он не читал Достоевского, Бальзака, но почему-то, непонятно почему, увлёкся русскими поэтами XVIII века: Нахимовым, Нелединским, Милецким. Всё случайно, взбалмошно, от полного отсутствия почвы под ногами, т.е. культуры. Несчастное поколение, тем более несчастное, что мы, старшие, ни в чём не провинились перед ними. Решительно ни в чём. Нас оттеснили в 49-50 гг. и сделали это с расчётом вырастить такой чертополох.

13 июля

Вчера вечером Фиш привёл к нам своих гостей: шведского писателя и его жену, поэтессу. Были и Нагибин с Беллой, и Верейские, а эти последние привели своего друга, чеха Иржи Плахетку¹³⁰. Но и этого мало! К Иржи приехали его друзья, среди них сын Хрущёва и сын Микояна¹³¹. Всё это разношёрстное воинство веселилось на террасе, распивая водку и вино. Шведка, Белла и я читали стихи, чего делать совершенно не следовало! И только мы собрались смотреть Зоины работы, как погас свет и всё смотрение происходило при двух или трёх свечках. Слава богу, шведам пора было двигаться в Москву, и все сразу смылись около 10 ч. вечера. Тут и мне пора была садиться в машину и ехать в Москву. <...>

Говорил с Кипсой по телефону. От Андрея с Кавказа две открытки. Как раз сегодня ему предстоит горный перевал.

15 июля

Утром пришёл Твардовский. С недавних пор он наш сосед. Пришёл, конечно, опохмелиться. Увы, у нас ни глотка. Но он для приличия посидел минут двадцать, осмотрел и одобрил сад, ахал (искренно) на Зоины скульптуры.

Кончил «Гюго» перед обедом, часа в три. Получилось больше листа. Трудно пока судить, насколько это цельно и исчерпана ли тема, как я задумал.

Книга Мариэтты Шагинян¹³² о чешском композиторе XVIII века Йоз. Мысливечке. Это интересно и, как всё у неё, по-своему талантливо, но не без кокетства и самохвальства: собственным энтузиазмом, собственной неутомимостью и проч. Её писания о Гёте и о Шевченко как-то проще и чище.

16 июля

<...> Получил письмо от Цуруковой с вложением первого варианта моего перевода Тициана, найденного ею в Тбилиси. Я о нём забыл абсолютно, но вариант гораздо лучше, чем второй, который я сделал в прошлом году. Книга Тициана уже в наборе, в августе должна быть вёрстка.

«Нефертити» прошла цензуру, и у книги зелёная улица, всё в порядке. Мне жалко «Чёртовой перечницы»: как-никак, а я возился с ней всё прошлое лето. «Концерта басен» не слишком жалко.

Перечёл «Гюго» - кажется, он удался.

18 июля

Начал писать статью о Сергее Наровчатове. Это давнишнее обещание “Литгазете” и ему самому.

Картина на столе оформилась в солидный прямоугольник: 77 x 42 см. В ней шесть отдельных картинок: Лир, Ричард III, рыцарь в латах, Фальстаф, чернокнижник с чёрным котом, сон в летнюю ночь, словом Шекспир и окрестности. Мне хочется начать новую серию живописи. За эти годы я всё-таки чему-то научился, во всяком случае, осмелел и валяю краски и мизансцены, мало или совсем не задумываясь, так что уже в ходе работы добиваюсь толка.

19 июля

<...> К шести я вернулся домой, и тут же пришёл Макашин, прочитавший моего «Блока». Его замечания интересны и почти все верны. Имеются его заметки на полях, и мне предстоит раскинуть умом, чтобы всё это учесть. В это время пришёл Кирсанов со стихами из своей новой книги «Год спокойного солнца» <...> и, наконец, уже ближе к темноте – снова Россельс и Велле. Велле, человек очень значительный по части литературы и переводческих взглядов, совершенный сноб, хотя говорят, в Париже он был известным писателем (может быть, одно связано с другим).

Несмотря на всю пёструю карусель, я успел закончить картину. Но таких дней должно быть возможно меньше!

21 июля

Если же говорить (или думать) о рисовании и живописи, то вот что мне давно уже пришло в голову.

Надо, чтобы картину читали, как сказку или повесть. Это было у фламандцев и голландцев, больше всего у Босха и Брейгеля, у нас – только у Федотова¹³³. Здесь реализм уместен столько же, сколько любая фантастика. И если я могу быть причастен к этому делу, то скорее всего через откровенную фантастику. Пусть картину читают слева направо (или наоборот), сверху вниз, как угодно, – лишь бы она читалась, т.е. была занимательна, не скажу «сюжетна», только занимательна, требовала подробного, внимательного разглядывания и в каждом своём куске была бы с сюрпризом! В том, как я сделал «Шекспира», есть эти элементы. Были они раньше в «Бесах» и в «Ревизоре», отчасти в «Пире во время чумы».¹³⁴

Ещё двое молодых поэтов, приехавших к Белле. Потом они пришли ко мне. Один 24-х лет, только что кончил медицинский институт, едет по назначению врачом-психиатром в Житомир. В некоторых стихах есть живое напряжение. Второй – совсем дитя, 16 лет. Только что провалился на экзаменах на мехмат, он даже стихов не стал читать – испугался, застеснялся. Но первый чем-то понравился мне. Одержим Пастернаком и ... Ахмадулиной.

23 июля

День рождения Миши Матусовского. Вечером у них в гостях Наташа Долматовская с дочерью тоже Наташей, очень похожей на отца¹³⁵. Была ещё Галина Кравченко, когда-то звезда советского кино, потом жена и вдова сына Каменева¹³⁶, и значит концлагерь и весь набор несчастий и ужасов. Сейчас – толстая, бедная, глупая и некрасивая женщина. Были ещё Фиши и Верейские. <...>

24 июля

Воспоминания Хемингуэя¹³⁷ о Париже в 20-х годах (“Иностранная литература”, июль). Который раз задаю себе вопрос: почему Хемингуэй хороший писатель, наверно несравнимый ни с кем из современников его, чем он действует? Сказать, что он правдив – это ничего не сказать... «Правдив» - определение отрицательное, означает: «не лжёт», - только и всего. Важно, что открыл писатель благодаря своей правдивости, и на это я пока не могу ответить. У Хемингуэя таких открытий (по сравнению с Толстым, например) нет. Однако о чём бы ни писал он: лыжный спорт, встреча с глупцом, сорта вин, отношение к жене, – всё одинаково интересно и втягивает в его мир. Сюда же относится и бой быков, и переживания матадора, и очень профессиональные мысли о войне – словом, всё у Хемингуэя. Так в чём же дело?

Вечером у Вавочки и Коли день их свадьбы, шестнадцать лет¹³⁸. Это недалеко от нас, за Пахрой, в том самом Михайловском, куда в течение более чем трёх лет переводится Министерство сельского хозяйства. Непостижимая блажь и дурь, которая стбит народу неисчислимые миллиарды. Кто может их учесть? Предприятие ничем не оправданное, будущего у него нет и не может быть.

25 июля

Ещё один молодой поэт приехал. Говорит, что год назад был у меня. Я забыл полностью. Зовут его Вадим Ковда, 27 лет, окончил мехмат, проработал 3 года в институте у Келдыша, но заскучал и круто изменил дорогу, заделался кинооператором. Сначала бедствовал, но завоевал хорошее положение, странствует по стране в командировках. В стихах его – неразбериха, есть смутные намёки на своё, на удачу, на поиск, но в подавляющем большинстве смутно, неграмотно, инфантильно, полное отсутствие дисциплины и чувства и ума – это болезнь всего поколения: никак не воспитанного, дурно ориентированного, слепого. Если при Сталине была слишком жёсткая регламентация и ограниченность кругозора, бездарная униформа мысли и чувства, то сейчас не менее бездарная расхлябанность. Выживает и вырастает тот, кто сам для себя находит критерии, вехи, границы, запреты и законы. Конечно, это лучше, чем раньше, но в результате слишком много жертв.

26 июля

Всё-таки дождал статью о Наровчатове. Это мой давно обещанный долг и ему самому, и “Литературной газете”. Статья маленькая и в сущности вся об одном стихотворении, которое он читал в Доме учёных, и мне тогда оно очень понравилось. Невольно вылез из внутрилитературной темы и пишу о детском воспитании, о морали – то, о чём все мы сейчас говорим, тревожимся, негодуем. Какая-то неизвестная сила питает в детях разрушительно жестокие инстинкты. Явление грозное! А примеры увеличиваются каждый день, среди них – ужасные. Я тронул эту тему крайне осторожно, но всё же боюсь, не захотят. “Литературная газета” превратилась в самый захудалый и трусливый департамент: официант с салфеточкой, подающий исключительно дежурные блюда!

30 июля

Очень интересная статья польского критика Яна Кота о «Сне в летнюю ночь» и ещё кое-что, например о постановке «Гамлета» в цирке Шапито для самой широкой публики (французская глухая провинция, городки, деревни). Рассуждения вне театра бледнее и суше. Много странной полемики с ... Вольтером. Это мало сказать «задним числом»! Но французам въелось в мозги, что они не поняли Шекспира двести лет тому назад! Не в мозги, а в печёнки. Полемизируя с Вольтером, они полемизируют со своей (коллективной, школьной, традиционной...) биографией. Признак исторического здоровья в том, что ничто не стирается в памяти народа. Это противоположно нам!

31 июля

Вчера поздно вечером живущий здесь писатель Симуков¹³⁹ привёл к нам Павла Тарасова с женой Раей. Павел – наш ученик в Колхозном театре. В последние дни войны он жил у нас после ранения и пребывания в госпитале. В это же самое время он ждал приезда не то жены, не то невесты, которая была его медсестрой в госпитале. Ах, да, это всё было уже после окончания войны: он был ранен в Берлине чуть ли не 9-го мая. Потом он работал в ЦК, сейчас в Министерстве культуры, по театральной части. Крупный чиновник, глупый, ленивый, но очень бесхитростный и добрый человек. К тому же страшно велик ростом и довольно красив.

Вечером в профилактории¹⁴⁰ выступал часа полтора. Прочёл «Маяковского», «Чудное мгновение», две первые части «Пикассо» и даже «Нефертити» (первое публичное исполнение). Аудитория довольно восприимчивая и до крайности благодарная – ещё бы нет: живёт в своё довольствие на лоне природы, купается в речке, играет в теннис и вот на́ тебе, выступление поэта, всё за ту же цену. Кто такие эти люди? Чиновники из Министерства строительных материалов, инженеры, есть наверно и со стороны люди. Благовоспитанные старушки, скучающие дамочки, барышни в узких брючках и зелёных очках с транзисторами через плечо.

1 августа

Поразительная неразбериха с поездкой Кипсы в скандинавские страны! Предполагалось, что 3 или 4-го сего месяца вся эта группа должна выехать в Ленинград и на следующий день отправиться морем в Данию. А между тем, для большинства едущих

ещё нет разрешения (особой комиссией, чёрт бы её подрал), и у всех в целом ещё нет виз – ни датской, ни остальных двух! Чья это вина, чья оплошность и есть ли чья-нибудь оплошность или это общий «порядок», непонятно. Относительно Кипсы дело тянется целый год! Она должна была ехать, собственно, в Англию весной на Шекспировские торжества, но это вообще провалилось. Взамен ей предложили Скандинавскую поездку... и вот результат! Сегодня весь день мы с нею потратили на узнавание, на гадание о дальнейшем. Все говорят, что так всегда и бывает. Дело затрудняется ещё и тем, что и она и я, оба вне Москвы.

Андрей вернулся с Кавказа очень довольный и очень худой.

2 августа

<...> Перевёл два стихотворения Симона Чиковани. Дала их мне Белла, получившая целых четыре из редакции “Литературной Грузии”. Мы условились с нею быстро всё это перевести, чтобы доставить маленькую радость тяжелобольному Симону. Но сама Белла ничего, конечно, не сделала и уехала вчера в Ленинград, не знаю, на сколько времени. Это очень, очень плохо. Придётся отдать свои переводы быстро и куда попало – ради Симона!

3 августа

Стало, наконец, ясным, что завтра в 12 ч. группа туристов (где Кипса) собирается для инструктажа и вносит деньги (за это время сумма успела вырасти с трёхсот с чем-то рублей... до 460), но едет ли Кипса завтра или позже, ещё непонятно.

4 августа

В течение дня три или четыре грозы со свирепыми, дружными и недолгими дождями. В результате испорчен телефон и свет отсутствует до позднего вечера. Для меня отсутствие телефона зарез: не могу договориться с Кипсой, узнать о времени её отъезда и условиться о машине на завтра.

Был у Нагибиных. Дома только старики. Каждый раз после разговора с Рыкачёвым¹⁴¹ ощущение как будто съел гадость. Сказать об отсутствующем (зараз обо многих) «подлец», «подонок» и весь остальной набор презрительных определений для него суший пустяк. При этом неизбежно подозрение: а что ты говоришь обо мне в моё отсутствие? Он странно самоуверен, презирает в сущности всех, и всё это на абсолютно пустом месте.

6 августа

Моя тяга к рисованию и живописи есть не что иное, как бессознательная тоска по театру, по режиссуре. Сегодня мне приснилось, что я что-то рисую и тщетно добиваюсь того, чтобы этот рисунок ожил и стал двигаться. Чтобы это произошло, нужна очень резкая контрастность света и тени и вообще всех цветов. И как всегда в последнее время, сам сон напоминал какую-то остановившуюся патефонную пластинку, возвращаясь к одному и тому же неясному и потому мучительному образу.

7 августа

“Литературная газета” вызывает немедленно приехать по поводу статьи о Наровчатове у Чаковского,¹⁴² какие-то замечания. У меня нет машины и негде достать другую. Еле-еле дозвонился к Чаковскому и отложил приезд до вторника. Догадываюсь, какие такие замечания! Дескать, у нас не такое уж плохое молодое поколение (подростки) и прочий вздор. Всё сводится к повсеместному сглаживанию острых углов. Продолжает своё существование старинный лозунг 1937-го года: жить стало лучше, жить стало веселее... несмотря на все признаки обратного. Ни о чём нельзя сказать правду! Невылазная грязь вранья.

8 августа

Вечером С. А. Макашин читал очерк «Портрет Салтыкова-Щедрина». Это по-своему хорошо: достоверно, продумано, сжато, без лишних слов, но главного – Салтыков как художник – нет как нет! Лучшее – анекдоты, отзывы о нём других людей от Толстого до Луначарского. Но на цитатах всё-таки не продержишься. Ни одной характеристики Салтыковских образов, Салтыковского юмора, Салтыковской фантастики... Это значит, что живой человек (да ещё какой!) не уместился в очерке.

9 августа

С утра до позднего вечера иллюстрировал своего «Вийона»¹⁴³ и, видимо, серьёзно влез в это дело. Что получается, мне ещё не ясно.

Это откровенный лубок, и в каждой картине – намёк на театральную постановку, на мизансцену. Ну и пускай останется воплем души безработного режиссёра.

11 августа

Тем не менее, во вторник, как задумано, двинулся в Москву. Прежде всего разговор с Чаковским. Как я и предполагал, возражения по последнему абзацу, т.е. насчёт детской преступности и детского воспитания. Чаковский оговаривается: «с вас как с гуся вода, а все шишки упадут на меня, редактора». И логика и отсутствие логики в этих рассуждениях хорошо знакомы. Пришлось мне зачеркнуть самые важные и определяющие фразы и слова.

Был на радио и прослушал запись своего выступления о Блоке, сделанную ещё в прошлом году в ЦДЛ. Как всегда, кажется неприятным, надрывным и звук моего голоса и, главное, манера – не то адвокатская, не то пошло актёрская. <...>

13 августа

Приехали из журнала “Кругозор”. Это новое и, кажется, довольно интересное явление: журнал состоит в основном из звукозаписей: пластинки величиной с десертную тарелку переплетены вместе с печатным текстом и на них главный акцент. Издаётся в 100-150 тысяч экземпляров, продаётся в газетных киосках, но купить невозможно. У них уже были: запись о поэзии, сделанная Ландау. Теперь они выбрали меня: поэт о точной науке. Так и вышло, что я легко смог удовлетворить этот запрос, прочитав вступление и несколько стихотворений из «Четвёртого измерения»; кажется, вышло недурно.

Видимо, я могу только радоваться, что не был вчера на Лермонтовском комитете. Макашин рассказывает, что это было нечто ещё более безобразное, чем первое заседание. Грибачёв совершенно ясен, как чиновник, у которого одно только желание: поскорее смахнуть с плеч нагрузку, поставить лишнюю галочку. Под стать ему и другие чиновники: из Министерства культуры и т.д. Кому и для чего нужен этот комитет!

15 августа

Сверка (Нефертити и весь конец книги) пришла, наконец! Она останется до моего приезда в понедельник. На этом кончаются самые изнурительные процедуры и самое нецелесообразное ожидание. Остальное – печатанье тиража, выход его в свет тоже продлится немалое время. Но, по крайней мере, здесь труд, материал (бумага и т.д.). Это не канцелярщина, не волокита, не разгильдяйство. Здесь легче ждать.

Пять картинок «Вийона» сделаны: Вийон и Корбо (первая картина), Вийон и Пугало (пятая), Эстурвиль и комедианты, Вийон и Повешенный, Вийон и академики. Буду делать ещё! Должно быть 8-10 иллюстраций. Начал делать самую большую, массовую сцену – конец второй части, черти прыгают в толпу нищих, «буржуазия» в смятении, Вийон с двумя факелами и так далее. Она и по величине вдвое больше остальных картинок. Спрашивается: для чего я это делаю? А чем, собственно говоря, чёрт не шутит! Почему не предложить такое издание Вийона в «Искусство»?

17 августа

Когда мы уже собрались назад на Пахру, раздался звонок. Это Тува Лондон¹⁴⁴ и с ним Серёжа Постников, с которым мы страшно давно не виделись. В скором времени они явились к нам, Серёжа – с новой женой. Оба они (Серёжа и жена) поехали с нами сюда на Пахру. «Вечер прошёл в тёплой, дружеской обстановке» – в первый раз эта фраза выражает полную правду. Они ночуют у нас.

18 августа

Рисование – стержень всех моих помыслов, надежд, огорчений. Сознаюсь честно: стихи я пишу обыкновенно с гораздо меньшим рвением и беспокойством. Может быть, потому, что писать стихи – увы, привычное и даже будничное дело. Может быть, потому, что они легче даются, как это ни странно и ни грустно. В рисованье же постоянно преодолевается то или другое неумение: барьер, видимый невооружённым глазом.

Сегодня весь день заново переписывал последнюю картину. Вышло чище, но, кажется, менее непосредственно. Дело доходит до того, что вечером у нас были Матусовские и Вавочка с Колей, а я раза три убежал из-за стола наверх к себе и продолжал писать. Со стихами этого не случилось бы!

20 августа

Кипса сегодня вернулась. Встретил её в Шереметьевском аэропорту. Самолёт опоздал на полчаса. Ещё когда вся эта группа подходила к барьеру, Крепе¹⁴⁵ крикнул: «Твоя дочь прошла первым номером». И действительно, она привезла ворох газет: датских, норвежских, шведских, со своим портретом и прочим... А произошло это потому, что ей

предшествовала некая, хоть и маленькая, да известность: её иллюстрации к Андерсену, которые недавно (во время пребывания Хрущёва в Дании) выставлялись в Копенгагене. Это свидетельствует, по правде говоря, о невежестве наших устроителей выставки: из всех советских и русских художников, иллюстрирующих Андерсена, они нашли одну только Кипсу и то, очевидно, по подсказке МОСХа¹⁴⁶.

22 августа

Вечером, как было давно уже условлено, мы с Беллой выступали, читали стихи в пионерском лагере Совета Министров РСФСР. Это очень типичная картина, знаменательная. Лагерь привилегированный, богатый, поставлен недосыгаемо высоко: здесь отдыхают дети бюрократической верхушки. На речку они не ходят, есть свой бассейн. Кроме того, допущены всякие вольности вроде «Литературного кафе», где мы и выступали.

Девочки пишут стихи исключительно о любви, и это само по себе нарушение всех обычных пионерских норм. Но при этом дикость, отсутствие интереса к чему бы то ни было.

Читать было нелегко. В глазах нет и проблеска внимания, понимания, отклика, восприимчивости. Это растут потребители. Будут они потреблять всё, что угодно и что по зубам. Особенно – что модно. И если при этом есть и милые, добрые, весёлые лица, то ведь на то и молодость.

23 августа

Сейчас по радио в альманахе “Поэзия” передали моё давнишнее выступление в ЦДЛ о Блоке. Хотя я заранее прослушал, как оно записано, и согласился на такую передачу, всё-таки убедился сейчас, что оно вполне отвратительно: какой-то поганый, развязный тон самоуверенного приват-доцента, который упоённо льёт риторическую воду, за словом в карман не лезет, любит себя и рисуется. Неужели я действительно такой на старости лет?

В результате как будто съел лягушку. А тут ещё воспоминание о вчерашнем вечере у высокопоставленных пионеров! Одно другого стоит. Что же касается этого сегодняшнего дня, то он был пустым.

Живопись у меня валится из рук, не успев даже надоесть. Просто ничего не выходит!

24 августа

Из Ленинграда пришла вёрстка книги Тициана. (“Библиотека поэта”). Вступительная статья Симона Чиковани очень хороша.

Покончил – может быть, временно, со своим Вийоном и весьма неожиданно, но решительно перешёл на... «Историю города Глупова». Это не без умысла. Здесь мне поможет тяга к лубку, да ещё к тому же к злой фантастике Щедрина. <...>

Начал давно задуманный рассказ о Лермонтове: тот день, когда были написаны последние 16 строк «Смерти поэта». События того дня хорошо известны и дело у меня сразу пошло. Фигуры бабушки, Арендта получаются живые.

Говорил с Кипсой по телефону. Она вечером приехала с Истры. Дома у неё всё в порядке, от Андрея (с Карпат) две открытки, к первому должен вернуться.

25 августа

Двигаю всю рассказ. Кажется, он получится. В том, что пишу, есть длинноты, лишнее, но лучше пусть будет лишнее, чем если бы наоборот. В этом рассказе меньше внутренней жизни поэта, чем в рассказе о Пушкине, зато больше движения, спорта, конфликта, других людей, притом разных. Удача (и в то же время трудность) в том, что ничего не надо выдумывать – всё взято из воспоминаний современников. Они достаточно достоверны, и один автор подтверждает то, что сказано другим. Трудность же в том, что чужую схему надо обогатить виденьем самого Лермонтова. Шутка ли сказать – увидеть Лермонтова живым, двадцатитрёхлетним, в одну из самых важных минут его жизни! Уравнение с множеством неизвестных, но оно не должно оказаться тождеством по отношению к чьей-то чужой памяти.

27 августа

Как было условлено, в 4 часа за мною заехал Шиперович и мы отправились в Москву для выступления в парке КиО (Культуры и Отдыха.– Сост.) Оно состоялось и, хотя народу было маловато (вечер перенесли из большого зала в небольшую комнатёнку того же помещения – «Клуб интересных встреч»), всё-таки оно сошло довольно прилично. Я выложил обычный свой репертуар: «Чудное мгновение», «Маяковский», первую часть «Пикассо». Слушали тоже прилично. Аудитория – разношёрстная, усталый московский служивый люд всех возрастов с уклоном в пенсионный.

28 августа

Утром в Гослите. Получил вёрстку воспоминаний о Лермонтове. Сборник просто драгоценный для меня, может быть, ещё более, чем драгоценный. Договорился о сдаче своего двухтомника в марте 1965 года. Начал разговор о книге поэзии Гюго. Договорился, что «Пути поэтов» пойдут в печать в ноябре и выйдут в первый квартал 1965 года.

В «Октябре» читал вёрстку: письмо Полетики и мой ответ. Это выглядит внушительно. Вот и все мои московские дела. 4-го сентября в ЦДЛ состоится вечер двадцатилетия освобождения Болгарии. Придётся выступить!

29 августа

Начал сначала рассказ во второй раз, кое-что переделал, но в основном двигалось по проложенному пути. Дошёл до того же места, что и в первый раз, и остановился временно, потому что конец в общем ясен и теперь. Нашёл способ: показать в забытии главного героя (Лермонтова) <...> его внутренний мир, его состояние – рельефно, в конкретных, хотя и бредовых, образах. Это вопрос экономии средств. Кажется, на этот раз у меня получится стоящее внимания! Чур-чур, не сплзнуть.

30 августа

Кончил рассказ. <...> Трудно судить сейчас, что получилось, но по совести я доволен. Рассказ отлит из одного куска и весь драматичен. При желании это можно сыграть на сцене. Три четверти текста – диалог. Зое это больше нравится, чем мой рассказ о

Пушкине. Может быть, потому, что я очень близко держусь подлинного факта и сочиняю только «психологию»: в диалоге, в правдивых его интонациях, в скупо обрисованных жестах. И действительно, тут есть элементы режиссуры.

Днём у меня был ещё Вадим Ковда. Он славный парень, но поэт из него, пожалуй, не получится: много дурных привычек, внутренней дисциплины и в помине нет.

31 августа

День в Москве. Свидание с Кипсой и Андреем. Он выглядит после двух своих эскапад – Кавказ и Карпаты в течение двух месяцев – не так уж плохо. <...>

Чтение рассказа в “Литературной газете”. Слушала вся литературная редакция плюс два поэта – Наровчатов и Поделков. Очень хорошо слушали и ещё лучше говорили. Верить ли этому впечатлению и этим словам? По чести, не знаю. Рассказ мне самому нравится и кажется совершенно не фальшивым, не надуманным. <...>

Вечером Ираклий Андроников.¹⁴⁷ Был соблазн прочесть ему, но решил, что лучше (полезнее) дать ему впоследствии машинописный текст. Завтра предстоит показ макета Лермонтовского памятника.

1 сентября

Макет в глине и пластилине в натуральную величину. Фигура – сильно обобщённая, в мундире, с откинутой полкой, со сжатыми за спиной руками. Это по-своему выразительно несмотря на грубоватую обобщённость. А может быть и благодаря ей. В целом неплохо, совсем неплохо и лицо. Смотрел очень придирчиво, во всех ракурсах. Ираклий считает, что короток нос, мал подбородок. Меня пугает другое: слишком нависает лоб и слишком глубоко западали глаза. Судя по разговорам авторов (скульптор Бродский, имя архитектора не расслышал), отливка статуи и установка её на месте – вещь вполне возможная к октябрю. Если бы это действительно было так, я был бы просто счастлив. Но на совместное обсуждение с Министерством культуры я не остался. Потому что чувствую: этот чиновнический блуд может завести меня бог знает куда, я наговорю глупости и только испорчу общее дело. И уехал на Пахру.

От Симона Чиковани чудесная телеграмма. Чувствую, как поддержали его переводы, напечатанные в “Литературной газете”.

2 сентября

Перепечатал рассказ. Теперь очень интересно, как отнесётся к нему редколлегия “Литературной газеты”? Предугадать невозможно, но клянусь, что при малейшей каверзе, при малейшем требовании в известную сторону сразу заберу рукопись обратно и отдам её в “Литературную Россию”. Поделков, уже слушал и по многим признакам там рассказ пройдёт легко. По совести сказать, я счастлив, что он уже существует, лежит на столе как ещё одно свидетельство моей продуктивности, моей молодости на старости лет. Конечно, это самое главное из всего, что сделано за восемь месяцев 64-го года.

4 сентября

Вечер болгарско-советской дружбы прошёл более или менее... Председатель – Тихонов. В президиуме Л. Стоянов, М. Грубешлиева (его жена), молодой поэт Джагаров, Барто, Алигер, Слуцкий, еще какие-то люди.¹⁴⁸ Я прочёл стихотворение Стоянова в переводе Андрея Глобы¹⁴⁹, свою «Шипку» и одну из «песен старика» Лиляны Стефановой.

Вечером с Банниковым и Иг.Озеровым ужинал в клубе журналистов, вернулся поздно, весьма навеселе и долго не мог заснуть.¹⁵⁰

<...> начал ещё один рассказ – о дуэли.

5 сентября

Ещё вчера Андроников рассказывал о крайнем неблагополучии с памятником Лермонтова. Утром я разлетелся в мастерскую. Автор, скульптор Бродский, всё же полон безудержного оптимизма и утверждает, что памятник будет готов и воздвигнут на площади к сроку. Сильно переделывает решётку. Во вторник должно произойти окончательное утверждение, связанное с нужными ассигнованиями. Отливка (из бронзы) по нынешним временам не так уж трудоёмка и должна занять всего 10 дней. Статуя по-моему выразительна. Автор согласен с тем, что следует многое детализировать, убрать обобщённо каменные контуры во всей фигуре, нужны складки на мундире, ведь под ним тело человека и т.д. Переделка решётки идёт в сторону от врубелевского «модерна» <...>

6 сентября

Кажется, и второй рассказ у меня начинает вытанцовываться. Пока он назван условно «Казнь Мартынова» и весь насквозь выдуман. Насколько эта выдумка соответствует тому, как прошла вся длинная жизнь убийцы, совершенно не имеет значения. Но за написанным стоит правда чувства, которую разделит со мною каждый грамотный человек в России. Я написал этот черновик сухо, бегло, отрывисто, не рассчитав ударных мест, эффектов и красок, стараясь только об одном: действительно казнить убийцу: медленно и верно. Такая задача должна быть когда-нибудь выполнена! Прочёл Зое написанное и сам заревел, услышав, что ей нравится.

7 сентября

<...> Переписал начисто «Казнь Мартынова». Чего-то ещё не хватает, но главное закреплено (верный темп и интонация). Весь вечер пристально читал канву к биографии Лермонтова в академическом восьмитомнике.

8 сентября

Обсуждение памятника было бурным и в сущности довольно интересным, то есть показательным. Слава богу, сама статуя не вызывает серьёзных возражений и, видимо, памятник действительно будет к сроку поставлен на том месте, где предположено. Главный удар со стороны очень многих был направлен на решётку за памятником. Она спорная. Авторов обвиняют в «модернизме», но подразумевают исключительно Врубеля. Андроников, я, ещё кое-кто пытались энергично возражать, однако на сей день постановлено: осуществить памятник без решётки. Это, конечно, плохо. Андроников

говорит, что завтра предстоит посещение кого-то из ЦК и всё это решение будет переиграно. Выступали Манизер, архитекторы, градостроители, из Министерства культуры.

9 сентября

Вечером у меня был ленинградский поэт, моряк и геофизик Городницкий и товарищи из “Литературной России”, очень славный народ. Городницкий читал стихи свои (есть очень сильные и свежие) и пел свои песни под гитару. <...>

10 сентября

Перепечатал рассказ. Но когда Зоя вернулась и я дал ей прочесть его, она, прочтя две первые страницы, возмутилась сценой у следователя и бросила чтение. Спасибо Зое! Должен сказать прямо: она мне помогла найти ошибку. Сцена у следователя, действительно, не только наивна, но и фальшива крайне. Предательство Мартынова по отношению к только что убитому Лермонтову есть пошлая и дешёвая выдумка, пришедшая мне в голову для и ради аналогии с чем-то современным, а я это знаю понаслышке или из другой дурной литературы. Следователя надо заменить тригорским комендантом и вообще не грешить против высшей правды. В этом весь секрет.

11 сентября

Обедала у нас чета Лободины. Накормили до отвала и физически и духовно: прочёл им два Лермонтовских рассказа. Для меня самого это очень необходимо, потому что знаю, насколько важно видеть глаза свежих слушателей. Чем они случайнее, тем больше пользы. Был также после годового перерыва Вадим Фадин¹⁵¹ с поэмой, которую он зачем-то назвал «Ван Гог». Либо его поэма вообще ни о чём, либо о чём-то большем, нежели Ван Гог, и он ещё сам не знает, о чём именно, а я не смог подсказать ему ничего, кроме более ясной композиции...

Уже вечером приехали Кипса с Андреем и пробыли они почти два часа, и это было лучшей частью дня.

13 сентября

<...> Важна возможность писать художественную (а не литературоведческую или статейную) прозу. В сущности, я впервые обнаружил для себя такую возможность. И сознаюсь, что рад ей. Может быть, слишком поздно, слишком уж на старости лет? Верно, что поздно, но тут ничего не поделаешь, придётся принять жизнь, как она сложилась и, наверно, так и должна была неизбежно сложиться. Во всяком случае, время ещё какое-то осталось, чтобы написать хоть одну прозаическую книгу. Страстно хочу это сделать и горячо верю, что сделаю.

14 сентября

Проза даёт гораздо большую возможность, чем поэзия, вложить в неё прожитый опыт, наблюдательность, да и добросовестное, серьёзное отношение. В некотором

отношении поэзия – дело нехитрое, домашнее, личное, а вот прозу сочинить – не поле перейти. Я не прозаик, но стать им должен и, наверно, могу. Даже сквозь сон, в любой момент дня и ночи, даже на людях, во время самого непринуждённого разговора о чём бы то ни было, продолжаю об этом думать, мечтать и в мозгу возникают абзацы и страницы ещё и не задуманных повествований с подробными описаниями, диалогами, репликами.

15 сентября

Вчера весь вечер у Матусовских перед телевизором. Великолепный концерт певцов из Миланского оперного театра. Итальянцы единственные, кто умеет петь. Поют, как дышат. Один другого лучше, но певицы лучше певцов.

Очень даже неплохой детектив, сделанный из австралийского романа. Неплохая инсценировка, неплохой режиссёр и совсем хороши вахтанговские актёры: Лановой, Абрикосов, Этуш, Толчанов и др.¹⁵²

И, наконец, журнал “Октябрь”. Вот это был номер! Наконец-то я увидел воочию Старикова и Фирсова. Какое убожество! Гаже только Ермилов и Трегуб. Стариков нагл и безвкусен, Фирсов только жалок. Что за морды у обоих! Бог шельму метит. В целом же это наглая реклама гнилого товара.

Сегодня зашли ко мне Твардовский и Дементьев¹⁵³. В результате я сел и написал ещё одну статью о Лермонтове, третью по счёту (для «Нового мира»).

16 сентября

Умер Василий Гроссман после долгих и ужасных мучений – у него был рак. Сегодня в Союзе гражданская панихида. Всё было сделано для того, чтобы её скомкать. Все узнали ещё вчера, что она будет в три часа. Утром было известно, что в час. Запоздавшая выходом “Литературная газета” объявила, что в 12 часов. Народу всё-таки было много, но если бы не эта диверсия (а как сказать иначе?), было бы гораздо больше. Судьба этого талантливого писателя не только трагическая. Здесь уже всё в квадрате или в кубе.

История с арестом (а как сказать иначе?) рукописи его романа общеизвестна.¹⁵⁴ Наконец-то она дошла за границу. В какой-то газете она была подробно рассказана и очень горько и зло (а как же иначе?) прокомментирована. Некролог в “Литературной газете” чёрствый, ничтожный, даже подлый.

И на кого ни поглядишь, лица какие-то растерянные, не то что покорные, но какие-то потусторонние, как у сумасшедших.

17 сентября

Прочёл вчера в “Литературной России” «Казнь Мартынова» и рассказ был принят на ура. Твардовскому нравится то, что я написал для “Нового мира”. В руках у меня чистые листы «Четвёртого измерения» и в начале будущей недели, наверно, будут и сигнал и мои авторские экземпляры.

Провёл около часу в Музее Пушкина на Кропоткинской. В воскресенье там состоится открытие зрительного зала, мне предстоит открывать это торжество и выступить о Пушкине. Само учреждение и люди, которые там работают, и весь дух, царящий там, необыкновенно дороги мне.

18 сентября

Просмотрел чистые листы «Четвёртого измерения» и в общем примирился с изысками оформления: пускай и такая книжка будет у меня. Кому-нибудь даже понравятся все три шмуцтитула со знаками зодиака и пляшущими буквами. На последней странице идёт издательская реклама о нераспроданной ещё (по чьей-то вине) «Мастерской» 1958-го года и не вышедшей ещё книге «Пути поэтов». Это идея Шиперовича, т.е. знак особого внимания ко мне.

Начал писать третий рассказ о Лермонтове, в котором главным действ. лицом будет Демон. Не знаю, что получится, хотя движение рассказа мне уже ясно. <...>

20 сентября

В четыре пополудни выступил в Музее Пушкина на открытии нового зала на двести человек (столько, наверно, и было), сказал несколько слов о значении в недалёком будущем этого зала, потом о Пушкинском заповеднике, предоставил слово В. Звягинцевой¹⁵⁵, которая прочла два своих новых стихотворения о Пушкине и несколько его, и снова вернула мне слово. Я прочёл «Я вас любил, любовь ещё быть может...», первый рассказ о Лермонтове и «Балладу о чудном мгновении». Всё было далеко не на высшем уровне исполнения, потому что аудитория и сама на этот раз оказалась не на высшем уровне отзывчивости и понимания... <...>

21 сентября

Утром зашёл к Рыкачёву, подарил ему ко дню рождения (71 год) том Гофмана по-немецки с очаровательными старинными картинками. Он стоит у меня в Москве, совершенно мне не нужный, а Рыкачёв хорошо читает по-немецки и был доволен.

Чувствую себя отвратительно ещё со вчерашнего вечера. Что-то во мне расклеилось, не только физиология... Вчера я даже испугался, когда очень долго не мог ответить на пустой вопрос Зои, пыхтел, кряхтел. Варвара сказала: «Он хитрит!». Я ей пытался ответить: «Ну тебя к чёрту!», но не вышло... Обе они сунули мне валерьянки. Я выпил и заплакал от жалости к себе, но не стоит сосредотачиваться на этом.

22 сентября

Перепечатал «Демона». В нём всего восемь страниц. Самый короткий из трёх рассказов.

Сел переводить Бодлера (о чём договорился несколько дней назад с одним очень милым редактором из Гослита – знаю его только по имени - Олег¹⁵⁶). Перевёл сонет, который нашёл и полюбил ещё в двадцатых годах. Олег предложил мне написать и статью о Бодлере, но я не настолько люблю его (вернее, мало люблю), чтобы писать такую статью. А на предложение помочь в составлении книги и отборе переводов согласился.

24 сентября

Третьего дня в “Литературной газете” было напечатано письмо двух читателей (один из них кандидат технических наук) – возражение на тот абзац моей статьи о Наровчатове,

где осуждаются мальчишки, бьющие бабочек. С точки зрения агрономов они, может быть, и правы, но у меня всё же не о бабочках, а о детской жестокости. Написал реплику. Завтра отдам в газету. Посмотрим, напечатают или нет.

25 сентября.

<...> В Москве Н. Браун¹⁵⁷, я разговаривал с ним о деле Бродского. Он многого не понимает, а точнее сказать, ничего не понимает. Это ясно по его оговоркам: «Да, конечно, за границей подняли такой шум!..» и прочее. Ну, а если бы не было шума за границей, что тогда? Говорит он, что и Прокофьев¹⁵⁸ не так уж виноват, как говорят в Москве... по его словам, дело находится у главного прокурора и довольно давно уже. Думаю, что со скрипом подыскивается формулировка для освобождения в таком духе, чтобы не опорочить наш суд и ленинградских подлецов. Обычная картина.

26 сентября

Решено издать избранное Бодлера в серии мировой лирики, а за Рембо несколько лет назад приходилось драться, откладывая издание чуть ли не на три года, заискивать, выпрашивать книгу, как подачку.

Перевёл уже больше двухсот строк Бодлера и не остановлюсь на этом – по инерции, которая имеет некоторый смысл: как-никак, моя французская антология неполна, а переводческая работа сопровождала всю мою жизнь, больше сорока лет¹⁵⁹. Надо пользоваться любым случаем, любым творческим антрактом, чтобы продолжать её.

27 сентября

Ещё утром, часов в 11, кажется, приехала милая чета – Ирина Озерова (поэт, работает в “Литературной России”) и её муж, Олег Пучков. Олег прозаик, сейчас учится в Высшей партшколе. Читал отрывки своей прозы – повесть о детстве в годы войны: Тула, страшноватый мир мелких и жалких спекулянтов на тогдашнем рынке, но ещё больше и ярче – мир блатной. Проза густая и настоящая, по-моему. В своё время была представлена как дипломная работа в Литинституте. Оппонентами были Кочетов и Друзин¹⁶⁰. Они сделали всё, чтобы диплом не был принят. Кочетов, между прочим, сказал: его хорошо учили, как писать, но не учили, что писать. Обвинение на редкость откровенное и на редкость подлое!

Заехал Царёв (из бюро пропаганды) и все мы отправились на Лермонтовский вечер в Зале Чайковского. <...>

В Зале Чайковского Сурков сказал вступительное слово, по-моему, с начала и до конца бездарное: без души, без единого поползновения сказать что-нибудь от себя, без живой характеристики... Я прочёл первый рассказ (В тот день, в ту ночь...) и заработал настоящую овацию. Чтение продолжалось около получаса, но по лицам и глазам видно было, как напряжённо слушают. <...>

28 сентября

В “Литературной газете” узнал, что сегодня утром скончался Миша Светлов.

Последние месяцы он страшно страдал. Врачи удивлялись его железному организму. Как много хорошего ушло с ним. Определить, что именно, невозможно.

Не только талант, как бы ни был он велик, не только доброта, остроумие, нравственное достоинство, помощь и поддержка сотням людей. Неопределимо – обаяние. А главное, Светлов был предметом общей непрестанной любви. Если был, значит, заслужил.

30 сентября

В ЦДЛ грандиозное количество народа. Многие толпятся у подъезда. Вестибюль тоже полон людей. В огромном фойе гроб. Военный оркестр. К. Симонов открыл гражданскую панихиду деревянным, равнодушным голосом и сказал только те слова, которые и без него подразумеваются и вообще никому не нужны. Жаров¹⁶¹, хоть и бесчувственен со дня рождения, но всё же вспоминал о чём-то своём молодом, общем для него со Светловым. Сергей Смирнов (горбун и антисемит)¹⁶² кликушествовал навзрыд, и это было самой гадкой частью митинга. Оля Берггольц¹⁶³ с трагически несчастным личиком, совершенно потусторонняя, специально приехала из Ленинграда. И на кладбище провожало множество людей. Говорил Полторацкий (искренно)¹⁶⁴, Яшин¹⁶⁵, Трегуб-сволочь, Марк Соболев¹⁶⁶...

А вслед за этим началась вечная жизнь Михаила Светлова, и это уже не зависит от той или другой детали панихидного характера.

2 октября

В “Литературной газете” очень умная статья Кирсанова о проекте новых орфографических перемен. Они действительно ужасны своей необоснованностью и, безусловно, враждебны живой русской речи. Зоя утверждает, что я обязательно должен писать по этому поводу. Это правильно, но сейчас в эти дни, когда всюду и везде появятся мои лермонтовские опусы, такое выступление просто неудобно! Надо отложить на конец месяца.

3 октября

Перевёл «Часы» Бодлера. Известным образом стихи эти подходят к моему «Четвёртому измерению»: не крайним и потому раздражающим отчаяньем, но исключительно интересом к загадке времени. Всё остальное в них – неврастения, низменный страх смерти, клиника.

Сегодня в “Литературной газете” Леонов¹⁶⁷ разразился ожесточённой, хотя и невнятной бранью по поводу предложения о реформе орфографии. То же и Шкловский, но ещё более невнятно. Пока умнее всех и серьёзнее всё-таки Кирсанов. Желание тоже вступить в спор у меня помаленьку крепнет. Я считаю, что надо ещё резче отвергнуть эту нецелесообразную реформу. Переведено 328 строк Бодлера.

6 октября

В Пятигорск. Утром двинулись во Внуково. Самолёт отчалил в 11.25 и через два часа уже Пятигорск. На борту нас шестеро: Жаров, Смеляков¹⁶⁸, Ир. Озерова¹⁶⁹, Андреев-Кривич

и Пахомов (замечательный старик, давний следопыт Лермонтова). Встречают цветами, фото и кинорепортажами. В гостинице чисто и светло. Здесь уже со вчерашнего дня идиот Крючкин, долженствующий быть администратором поездки, крайне нерасторопный, неуклюжий, бездарный. Вечером наши выступления в Музее Лермонтова <...>. Вот зале, в котором произошло столкновение с Мартыновым, рояль, на котором играл Трубецкой. Сегодня, под октябрьскими звёздами, в тени столетних чинар, это было волшебством. Все выступления наши прошли на хорошем уровне. Прекрасное стихотворение Смелякова! Я сказал несколько слов, кажется, хорошо, судя по приёму.

7 октября

Днём несколько часов в машине с Андреевым-Кривичем по лермонтовским местам. Грот, куда вызывала Вера Печорина. Место дуэли с памятником Опекушина и грифами по бокам. Знаменитый «провал», «Галерея с источниками...». Вечером организовали вечер в аудитории пединститута. Читаю рассказ о Демоне и стихи 1941 года «Гроза в Пятигорске». Жаров написал за вчерашний день стихотворение «Бородино» (для него даже хорошее). Выступил болгарский писатель Колчев. Необыкновенно обаятелен, мил и находчив Расул Гамзатов¹⁷⁰. А вечером с Володей Орловым, Ириной Озеровой, Кайсыном Кулиевым¹⁷¹ у вдовы Эффенди Капиева чрезвычайно милой Наталии Владимировны¹⁷². Здесь всё было хорошо, но вечер у этой женщины – самое чудное из всего, что было.

8 октября

Самый трудный день, перегруженный до отказа. Днём митинг у памятника Лермонтову, где мне пришлось выступить и что я сделал с полной отдачей себя в смысле волнения. После короткой передышки начался так называемый Форум поэтов, очень умная выдумка. В основном поэты Северного Кавказа: осетины, кабардино-балкарцы, аварцы, лаки. Русских поэтов трое, велико их значение в связи с Лермонтовым. Выступая на форуме, я это именно и хотел выразить и подчеркнуть. И почти сразу же после выступления поехал, чтобы прочесть для телевидения «Демона». Три выступления за день. Для меня это больше, чем предел. К тому же после всего бурного дня вечером отправился в номер к Расулу Гамзатову и ещё часа два трепался со стопками коньяка и водки. Последнее было даже лишним, но на общем нервном подъёме оказалось полезным.

9 октября

С утра путешествие в машине. В. Орлов, И. Озерова, Андреев-Кривич, я – по лермонтовским местам, но уже не в пределах Пятигорска, а – Кисловодск, Ессентуки. Андреев-Кривич – энтузиаст и знаток, но при этом весёлый говорун и хороший рассказчик. Нарзанная галерея в Кисловодске, думали добраться к месту дуэли Печорина с Грушницким, но дорога туда затруднена, видели место речной переправы, где княжне Мери стало дурно, знаменитое «кольцо» в горной породе, с пещерами, которые, видимо, были человеческими жилищами много тысяч лет назад...¹⁷³ И много ещё другого замечательного видели. Вечером торжественное собрание в театре: как все собрания такого рода оно официально и чёрство. Зато вторая часть, концерт, составленный в основном из выступлений местной самодеятельности, хоровых и плясовых коллективов, привёл меня в конце концов в восторг – такое было простодушие, такое искреннее увлечение.

10 октября

В казацкой пляске, в хоровом «Бородине», с появлением из зрительного зала фантастических гусар и драгун с барабанами прекрасно завершились лермонтовские дни в этом краю! Впрочем, сверх того был ещё и банкет – как всегда в таких случаях, изрядно официальный вначале и мертвецки пьяный под конец. Я тоже решил не отстать в этом деле и это мне вполне удалось. Утром в 6 часов отправились на аэродром. Был сильнейший туман и вылет откладывали на два часа. Прибыли в Москву около 12-ти, а в час я уже был дома, радуясь, что всё кончилось, хоть и слишком стремительно, но вполне вовремя. С 5-ти часов мы уже здесь, на Пахре. Как ни странно, я не слишком измотан.

11 октября

Эмма Герштейн прислала мне свою, только что вышедшую книгу (с хорошей надписью) «Судьба Лермонтова»¹⁷⁴. Начал читать и через каждые несколько страниц бросаю в сильнейшем волнении: как всё было в этой судьбе загадочно, всё полно значения, гораздо большего, чем прямого. Лермонтов непрерывно, помимо воли, обжигал других людей и ещё более обжигался сам при этом. Самый необыкновенный человек во всей русской культуре. Герштейн в каждой главе заново, в новом ракурсе показывает драматизм, конфликтность судьбы Лермонтова. Здесь многое недосказано, да к тому же она (Герштейн), будучи учёным-исследователем, не ставит себе задачу обобщать, делать какие-либо историко-философские выводы. Но они напрашиваются и я попробую (в дальнейшем) их сделать... Дочитав книгу до конца (конец посвящён дуэли и Мартынову), ещё раз убеждаюсь, что гибель Лермонтова даже для современного исследователя остаётся во многом загадочной. Очень вырастает образ Дорохова. Мартынов подлец и дурак, но и оба секунданты, Глебов и Васильчиков, довольно скверные типы.

12 октября

Чувствую себя мерзко. Что-то творится у меня с животом, с печенью, кажется. Идти в поликлинику просто боюсь, заставят делать всякие анализы, один отвратительнее другого: назначат диету, а вдруг ещё назначат рентген и найдут что-нибудь такое, от чего и жизнь больше не мила, и скажут: «Ложись». Это томление тянется уже давно. Думать о таких вещах – разврат. По мере сил надо презирать, забывать, преодолевать, вот единственно разумный способ. Завтра выступаю в Доме актёра. Хочу говорить в основном о «Маскараде».

13 октября

В Доме Актёра выступал весьма плохо. Аудитория глухая, усталая и, как ни странно, малограмотная (вроде учительской).

Весь день в Москве, и день ужасный по бессмыслице.

В «Литературной газете» тревога: а вдруг, дескать, полёт трёх в космос «отменит» Лермонтова! В сущности, Лермонтову продолжает не везти. Нет войны, зато другое событие космически-мирового порядка заслоняет его. Но тревога улеглась, когда

выяснилось, что номер газеты выйдет шестиполосный: «жилплощадь» Лермонтова уплотнена не будет.

15 октября

Сто пятьдесят лет со дня рождения Лермонтова.

Слушаю по радио торжественный вечер в Большом театре и сознаюсь, что жалею, пожалуй, что не остался в Москве... Дело не в том, что интересны речи, горячи слова. Речи малоинтересны и совсем не горячи, выступление Грибачёва своеобразно тем, что он снова сводит счёты с молодыми поэтами, поразительно бестолковый тупица. Дело в одном: надо было стоять в этом строю и чувствовать своим плечом плечо соседа, кем бы он ни оказался. Досада моя невелика, она пройдёт, но я обязан был сказать о ней, поскольку в этом дневнике, особенно в последние дни, всё полно Лермонтовым.

Чувствую себя гораздо лучше, живот не болит совсем, очевидно я выкарабкиваюсь из болезни, как собака, собственными силами, без лекарств.

16 октября

И всё-таки Лермонтов и на этот раз оказался роковым человеком в самый день своего юбилея.¹⁷⁵

Слава богу, это не война, никакой пушечный залп не отметил дня его рождения. Однако событие вчера произошло чрезвычайной важности.

Хрущёв¹⁷⁶ смещён со всех постов, которые он занимал. Сегодня уже с утра мы услышали об этом в общей форме. По формулировке газетного извещения – согласно собственной просьбе, в силу плохого здоровья и преклонного возраста. Председатель Сов. Мин. СССР теперь Косыгин, генеральный секретарь ЦК КПСС – Брежнев. Что это означает, пока можно только гадать.

При всех условиях, новость неожиданная, сногшибательная. Говорят, что сняты также Сатиков и Аджубей.¹⁷⁷ По правде, меня просто мутит до тошноты от этой катавасии. Который уже раз в жизни нашего поколения мы становимся свидетелями вторжения недоброкачественных, нечистых сил, фигурирующих на авансцене нашей истории. Почему же думать, что на этот раз они доброкачественнее и чище?

Да господи боже мой, вся политика от века была и остаётся проклятым, гиблым болотом, в котором барахтаются, тонут и всплывают наверх самые недостойные экземпляры. О них не стоит думать, их не стоит жалеть, а меньше всего стоит приветствовать их, если не хочешь замараться... к чёрту, к чёрту, к чёрту!!!

17 октября

Пока что мы, сидящие здесь на Пахре, ничего толком не узнали и не поняли. Пишу статью об орфографии в ощущении, что какая там к чёрту орфография... а всё-таки пишу, как заведённая машина, как прочный механизм, который не так легко вывести из строя.

Напечатал статью. Она в меру нужды резка, без этого никак не обойдёшься, но, кажется, доказательна и добросовестна.

Передовая “Правды” говорит глухо о продолжающейся борьбе с «культом личности», о хвастовстве, прожектёрстве и т.д.

18 октября

Лень, рассеянность, усталость и отвращение ко всему, особенно к событиям дня. Их подробности, их тайная подоплёка продолжает оставаться в тумане. За ним страх общественного мнения и сознание собственной неполноценности. Нашему поколению хватит с избытком. Мы слишком много на своём веку видели этих бурь в стаканах грязной воды, слишком много слышали лжи, чтобы чему-нибудь удивиться, чему-нибудь обрадоваться, чего-нибудь испугаться.

19 октября

Выступление в зале Чайковского вчера прошло вяло и серо. Даже прощание с Лермонтовым (моё личное) не состоялось.

Сегодня весь день пробыл в “Литературной России”. Дожал статью об орфографии, как мне казалось тогда. Сейчас вижу, что не дожал. Статья глупая и крикливая.

Дважды виделся с Кипсой, Андреем, Катюшей. Кипса, как всегда, полна жизненных сил и по-своему умна. Вечером приехал на Пахру и засел здесь до пятницы.

От Первомайского – замечательное письмо. Чтобы получить такое письмо – стоит жить.¹⁷⁸

20 октября

Читаю статью Готье¹⁷⁹ о Бодлере и стараюсь выудить что-нибудь полезное для собственного суждения о нём. Но это крайне старомодная болтовня романтика о декаденте, устаревшая даже для десятых годов нашего века. Всё около литературы и внутри литературы безжизненно, даже неправдиво, не задевает, не царапает. Впрочем, меня и Бодлер не слишком задевает. Может быть, я сделал ошибку, что навалил на себя такой груз?.. У меня 38,4° – вот тебе и Юрьев день!

21 октября

Весь день пролежал с температурой 38,3°. Что это такое, нет охоты допытываться. Одно только ясно – доктора и медицина здесь ни при чём. Человек (во всяком случае, пишущий эти строки) – та же собака, и сам себя лечит лучше, чем лучший доктор.

Приехал Владимир Михайлович и в течение считанных минут исправил всё, что нуждалось в починке: и в электричестве, и в Зоиных скульптурах, и во многом другом.

Всё-таки приходится признать, что я надорвался изрядно. Может быть, в Пятигорске. Может быть, выступлениями в Москве. Но об этом не жалею. Пока существует дом на Пахре, существует и жизнь.

23 октября

Доктор Маргарита Павловна из поликлиники нашла у меня воспаление желчного пузыря и грипп, прописала всякую ерунду и лежание в постели, что аккуратно выполнено.

Сегодня наш Андрей защищает диплом. <...>

26 октября

Андрей защитил диплом на 5.

У меня весь день был Олег Лозовецкий, редактор из Гослита, в связи со сборником Бодлера. Переводов, старых и новых, существует множество: Якубович, Вячеслав Иванов, Эллис, В. Брюсов, Анненский, – вот наследие уже обнаруженное.¹⁸⁰ Кроме того, Шершеневич¹⁸¹ перевёл всего Бодлера, но даже вдова Шершеневича считает эти переводы плохими. Из современников много перевёл В. Левик, но, по правде сказать, это ремесленные переводы. Эткинд представил проект избранного. Кажется, с ним можно согласиться, если не полностью, то в основном; раз уж влез в это дело, то постараюсь и очень, чтобы сборник был настоящим. Хочу привлечь Виктора Афанасьева¹⁸².

7 октября

Андрей защитил диплом, который представляет из себя несколько «лемм» (убей меня бог, забыл, что это значит). В отзывах указывается «нетривиальность решения» и вообще очень серьёзно подчёркнуты его заслуги: что-то сделано им впервые. Итак, окончивая мех.-мат. факультет, он выходит на самостоятельную дорогу и как будто аспирантура предрешена. Ему 22 года.

28 октября

Пытаюсь перевести два стихотворения Симона, которые он прислал вместе с очень милым письмом. Говорили третьего дня с ним и с Марикой по телефону. Голоса обманчивы и у обоих казались благополучными, даже счастливыми.

29 октября

Вечером был у меня любимый друг Эткинд, был недолго, потому что спешил в тот дом, где ночует. Разговор вокруг всего нового и старого, чем живут все. В частности, опять о процессе Бродского, в котором Эткинд выступал свидетелем защиты и много потом страдал от этого. Рассказал он и такую вещь: будто бы собираются исключить из Союза Фриду Вигдорову¹⁸³ за её записи во время суда, которые она якобы переправила за границу. Это ужасно, если правда.

30 октября

В первый раз вышли на улицу за всю неделю и это лучше всяких лекарств и диет (то и другое продолжается). Видимо, я выздоровел. Был в “Литературной России”. Статья моя об орфографии всё-таки выглядит хорошо, не стоит жалеть о сокращении: всё, что надо, сказано.

Был у меня Костя Симонов, по моей просьбе быстро и безоговорочно откликнулся. Позвал его, чтоб разузнать насчёт Фриды Вигдоровой. Ничего не знает и на мой рассказ вполне искренно возмутился, обещал очень противодействовать, если это правда. Советует поговорить с Марковым¹⁸⁴ или Воронковым¹⁸⁵. Обязательно попытаюсь.

31 октября

Был у меня ещё раз Е. Эткинд. Я прочёл ему переводы Бодлера и выслушал весьма полезные замечания. Он единственный человек, которому в таких случаях необходимо полностью довериться.

Был ещё Вадим Фадин. Стихи его опять не ахти что. Он плохо растёт, не двигается, может быть, и не понимает моих советов, наталкиваний, требований. Думаю, что скорее не понимает, чем не принимает. Если бы не принимал, просто перестал бы ходить и нуждаться во мне. <...>

Главным в октябре был для меня, конечно, Лермонтов со всем исходящим от него: Пятигорск, печатанье рассказов и выход их, два или три выступления. Может быть, Лермонтов был таким же главным и в другие месяцы, задолго до начала 1964-го года, особенно летом 1963-го, когда я писал статью для двухтомника¹⁸⁶. Но, может быть, Лермонтов и не кончился ещё для меня?

1 ноября

<...> Получил письмо от Афанасьева. Который что-то слишком уж загорелся на моё предложение переводить Бодлера. Но удивляться этому нельзя! Я обязательно дам ему попробовать свои силы и верю, что у него может и получиться.

Очень странное извещение Орфографической комиссии появилось вчера в «Известиях»: дескать, благодарим за критику, работать продолжаем... Гнать их надо!

2 ноября

Сегодня утром я положительно узнал от К. В. Воронкова, что слухи о какой бы то ни было грозе над Вигдоровой лишены всякого основания. Этому надо верить. Он не мог бы не знать, если бы дело обстояло по-другому.

Поездка в Грецию варится. Она будет на две недели.

Говорил с Чаковским, думал было выступить насчёт двусмысленности в заявлении Орфографической комиссии.¹⁸⁷ Он говорит, что «дискуссия свёрнута распоряжением ЦК и проект провалился, это – главное, а комиссия мол пускай работает на здоровье». Стало быть, выступления никакого не нужно.

Ещё какие-то разговоры с Чаковским. Его слова: «У нас не любят обратного хода». Признания в прошлых ошибках не может быть. На идеологическом (литературно-художественном) фронте никаких больших перемен не будет. Замирения с Китаем не может быть. И так далее. Всё это в целом – сила равнодушия, апатии, усталости – даже там, в их так называемых высоких сферах, где творится так называемая история.

Купил сегодня 100 экземпляров «Четвёртого измерения» и начал их раздаривать и рассылать по почте.

Надо признать с полным мужеством, что великая идея коммунизма по нашей вине с треском провалилась.

3 ноября

Говорил сегодня и с Ильиным¹⁸⁸ как секретарём Московского отдела СП. Результат тот же – насчёт Вигдоровой слух ни на чём не основан. Лишнее доказательство старой истины: до чего Москва, особенно наша проклятая среда, писатели и актёры, щедр на всякого рода слухи и страхи! Конечно, можно было бы поговорить и с Тевекеляном¹⁸⁹, который знает больше всех, но это уже выше моих сил – говорить с таким подонком!

5 ноября

Редакция “Литературной России” просила меня дать рецензию на переводы Бодлера, сделанные неким Аксёновым, который года два назад прислал их мне, а я в ответном письме жестоко раскритиковал его. Основания – всё сплошь отсебятина, всё пошлость, всё на очень низком поэтическом уровне. Сейчас, узнав, что мне поручена эта работа, он прислал мне нахальное письмо, в котором заранее отказывает в доверии моему суду. Вдобавок ко всему, он играет на том, что раньше работал штукатуром, т.е. по обычаю очень распространённому тычет в глаза свою анкету и на этом строит свои претензии. И всё-таки в нём есть что-то искреннее и жалкое. Я-то его никогда не видел, а вот Ирина Озерова утверждает, что он попросту негодай.

6 ноября

В течение всего детства и отрочества при любом повышении температуры меня сопровождал один и тот же бред. Как описать его, как анализировать? Главное было в том, что движение времени приобретало особую внушительность, по-иному ошутимую плотность. Время не убыстрялось, но как бы стремилось ускориться. Все звуки – людские голоса, тиканье часов, топот лошадей, шум дождя и т.д. – включались в тот же ритм времени, очень тревожный, мучительный для меня и в то же время увлекающий в себя, как в водоворот. Весь бред заключался в ритме. Став старше, я узнал, откуда он – от ускоренного благодаря жару кровообращения. Правильным ли было такое объяснение или нет, оно ничего не меняло. И я ждал начала бреда и его действия с величайшим нетерпением, а иногда и с радостью. Теперь я убеждён, что самое главное в моём мироощущении и самосознании определилось и окрепло на почве этого бреда. Больше того! Образ времени в моих стихах возник отсюда же, из стихии этого детского бреда. Эта запись – своего рода дополнение к «Четвёртому измерению».

7 ноября

Утром гулял, зашёл к Фишам, подарил им книжку, был и у Массов. Разговаривать по-прежнему можно только об одном. Но это не разговор, а исключительно разговорчивость, утомительная, одурачивающая и бесполезная крайне! Фищи говорят, что Бродский отпущен на поруки.

Ну вот и наступила сорок седьмая годовщина Октября. Я отметил её тем, что записал в книжку два свои давно сочинённые, мало цензурные стихотворения. Но если говорить честно, решительно ничем не отметил. Нечем! Боже мой, как ничтожно кончается великая эпоха.

8 ноября

В Москве Чжоу Эньлай и другие важные китайцы. Би-би-си и Голос Америки больше всего распространяются на эту тему. Неужели буря в стакане воды две недели назад была связана с этим китайским приездом?

Запаковал днём бандероли с «Четвёртым измерением», написал несколько писем, напечатал рецензию, весьма мрачную, на переводы Аксёнова: решил не стесняться и не расшаркиваться, потому что случай, действительно, из ряда вон, уж очень наглый это парень.

Читаю Кайсына Кулиева, балкарского поэта, который лично чрезвычайно мне нравится, а стихи что-то не ахти. Между тем надо написать о нём для “Литературной России”, давно обещал.

9 ноября

Вечером был Геннадий Фиш. Опять и опять длинный разговор всё о том же. Все мы в одинаковом положении: нам не доверяют правды и мы тоже никому не доверяем и ничему не верим. Как никогда раньше, картина резко обнажилась. Голая земля, из которой торчит тщательно удобренный кукиш. А что впереди? Восстановление сталинского террора? Отнюдь не исключается.

11 ноября

Очень серьёзный разговор с Чаковским насчёт кампании (в газете) о преподавании русского языка и литературы в средней школе. Дело это мы поднимем. У меня план: взяв пример с математиков, идти самим писателям в школы. Каждый (кто хочет) прикрепляется к школе, к двум старшим классам, раз в 2 недели даёт урок (2 академических часа) истории русской литературы. Большой расчёт на хороших литературоведов (Бонди, Андроников, Макашин, Шкловский, Фейнберг, Андреев-Кривич), на кое-кого из поэтов. Учитель данной школы приглашается к сотрудничеству.

Главное – это не ждать Министерства, не ждать ЦК, а делать самим своё дело. Надо двинуть с мёртвой точки пропаганду гуманитарного знания. Ещё раз брать пример с математиков, которые сами, в сущности по своей инициативе позаботились о своей смене и выиграли это сражение.¹⁹⁰

12 ноября

Когда говорят: реальность, – всё ясно. Когда говорят: реализм, – тотчас же возникает спор, приходится прибегать к энциклопедии. То же самое: символ – символизм, ревизия – ревизионизм, догма – догматизм, даже коммуна – коммунизм... Суффикс «изм» – это проклятье современного человечества. Он существует затем, чтобы туманить мозги и повергать в трепет. Я убеждён, что и на других языках, в других обществах та же удручающая картина. Любое понятие превращается в звёздную туманность, расплывчатую, текучую и настолько далёкую от земли, что самые сильные линзы могут только увеличить её, но не прояснить. Что собственно и происходит при попытках определить значение

терминов, кончающихся на «изм». Но попробуй только объявить им войну! На защиту поднимется армия адвокатов, педантов и вся обозная сволочь культуры.

14 ноября

«Семь дней в мае» – уж такой американский политический детектив, что ой-ой-ой!.. Читаю не отрываясь и по уши погряз в этой вполне правдоподобной выдумке. Ну вот я отхватил за день эти 350 печатных страниц. Речь идёт о военном заговоре в США с целью свержения президента и установления военной диктатуры в стране, т.е. об уничтожении Конституции Вашингтона. Дело происходит в 1973 году. Роман очень замечательный и, судя по всему, вполне правдоподобный. Действующие лица характерны и по-своему типичны. Это литература не великая, конечно, даже и не слишком художественная, но насколько она выше наших убогих детективно-политических чтив! Хотя бы в силу своей смелости – смелости замысла и смелости критики.

15 ноября

Грин¹⁹¹ – необыкновенно добрый и наивный, сентиментальный писатель. Поэтому он действительно вне русской литературы, которая гениальна и неповторима в своём аду. А Грин – это всё-таки оптимистический рай. Когда-то он мне нравился. Теперь, пожалуй, совсем не нравится, как слишком редкостный экземпляр экзотики, не то попугай с Антильских островов, не то просто безделушка, как раковина или музыкальная шкатулка с одним, давно забытым мотивом в три-четыре такта. Увлечение им объясняется только тем, что он долго был под запретом и не весь ещё опубликован заново. В будущем году он будет издан как приложение к “Огоньку”. Как всегда, Россельс (добрейший энтузиаст в мире), главный редактор этого издания, бросается сослепу на свежатину, на полузапретный плод.

Приезжал В. Левик, очень встревоженный ситуацией с его переводами Бодлера. Мне это тоже не слишком приятно. В Гослите царствует безалаберщина, весьма тяжёлая для нас.

16 ноября

Иностранная редакция собралась и мы оба, Левик и я, изложили свои претензии. Надо сказать откровенно: Левик до крайности эгоистичен и боится до дрожи во всём организме, что хоть одна строчка из переведённого им не попадёт в эту книгу Бодлера. Гослитовские же работники, как это у них часто случается, весьма безалаберны и начали подготовку к этому изданию без плана, без точного представления о том, что должна представлять собою эта книга. У меня положение очень неловкое. Мне не хочется наступать Левику на мозоли, а в то же время оказалось, что во многом мы с ним совпадаем: перевели одни и те же стихи.

Так что, не желая «наступать», я вынужден «уступить» без боя и, таким образом, те переводы, которыми я больше всего дорожу, я сниму с обсуждения и даже не покажу их в Гослите.

Вечером у нас был Леонид Первомайский, читавший замечательные стихи, а потом Маргарита Алигер с Машей, подарившая свою книгу. <...>

19 ноября

Вечером было выступление: устный выпуск “Литературной России” в Институте неорганической химии на Ленинском проспекте. Хорошая студенческая аудитория. Лучше всех прошёл Драгунский, великолепный актёр, поддающийся пылу-жару с завидной лёгкостью, с юмором. Я, пожалуй, прошёл вторым номером, хотя к концу несколько устал и в «Пикассо» даже путал текст. Совсем неплохо читала Ирина Озерова: спокойно держится перед аудиторией, приняли её отлично. Ужасен Цыбин¹⁹² – и стихи никуда и вообще это дутая и скучная фигура. Занятный парень Андрей Лядов, поэт из Пензы. Чему-то научился, пытается быть прогрессивно-гражданским, правда, без большой смелости, но всё же...

Перевёл утром «Жалобы Икара» Бодлера. Итого 532 строки.

21 ноября

Мне часто снится Андрейю Он работает где-то рядом, учится, готовится, может быть, к важным экзаменам. У него всё идёт хорошо, но он сам и я, мы оба чувствуем, что всё это ни к чему, что любое его дело обречено, оно только отсрочка, обман себя самого и окружающих. Этот повторяющийся сон странен и мучителен потому, что на самом деле мне снится не Андрей, а погибший в том же году, когда он родился, его дядя и мой сын Вова. (Записал ночью, проснувшись и смутно вспоминая сон, до того повторявшийся много раз).

24 ноября

Всё-таки я поднатужился и дописал статью о Кулиеве вполне складную, хотя и без блеска и без особенных открытий, но даже не своё дело можно делать добросовестно. Больше ничего за день не произошло.

25 ноября

Заходил к Владимиру Жданову, которого мы вчера подвели с машиной, – мне казалось, что он немного обиделся на меня, но это не так. По его словам, в истории с Фридой Вигдоровой инициативная роль принадлежала всё тому же Поликарпову¹⁹³, который даже ездил к старику Чуковскому и убеждал его в необходимости преследовать Фриду. Конечно, Корней Иванович послал его к чёрту. Выходит, что Поликарпов действительно превратился в злого гения литературы. В сороковых годах он всё-таки подавал надежды на обратное. Казалось бы, в последние-то годы он мог бы и образумиться, так нет же. Это заядлый и закоснелый мракобес и сталинист.

28 ноября

«Вселенная, жизнь, разум». Последняя часть книги содержит новые определения жизни и разума, связанные с кибернетической терминологией, они очень интересны. Интересны прямой постановкой вопроса. Но в сущности, это то самое, о чём шёл спор два года назад, когда я писал «Две реплики в споре», ещё даже и не зная, до пределов какого азарта и смелости дошли кибернетики и математики. А претензии их действительно безграничны и безудержны. И можно понять увлечение молодёжи. Однако то, что я написал

два года назад, для меня остаётся в силе. Может быть, я виталист, ретроград, даже мистик, не знаю. Но на том стою я и не могу иначе! Сдвинуть меня с места может только живая практика будущих электронных машин. Но до этого я не доживу, слава богу.

3 декабря

Начерно перевёл три стихотворения Леонида (Первомайского. – Сост.) Все они одинаково хороши и, может быть, мало или даже ничего не потеряют в переводе. Парадокс в том, что не потеряют, если перевод неточен. В точном потеряется всё.

В сборнике «Фантастика 1964», который я взял в руки без всякого доверия, первая же повесть (Стругацких) оказалась вполне очаровательной. Это весьма весёлое издевательство над содержанием и формой самого жанра. Найден ключ.

5 декабря

Оказывается, сегодня в “Литературной газете” напечатана рецензия Самойлова¹⁹⁴ на «Четвёртое измерение». Люди меня поздравляют. Рецензия действительно безоговорочно хвалебная. Но, если говорить честно, меня действительно не за что ругать. Разве только с точки зрения тех советских черносотенцев, которые сейчас, слава богу, притихли, затаились, но наверняка готовятся к какой-нибудь гадости. В чести они или не в чести? Все задают этот вопрос и в течение одного дня несколько раз отвечают по-разному. Эта разность привязывается к тем или другим именам. Чаще всего к имени Ильичёва. А между тем, сам Ильичёв, в сущности, не имя, а функция, номенклатура ... дорожный знак.

6 декабря

Да и весь сборник «Фантастики» оказался неожиданно занятным. Писатели, которые работают в этом жанре, выгодно отличаются от многих беллетристов тем, что они как-никак думают, привыкли и обязаны думать о серьёзных вещах. Неграмотность или полуграмотность сюда и носа не сунет. Кроме того, очевидно, имея в виду конкуренцию с Западом, фантасты приобрели ценнейшее свойство – склонность к иронии. Издевательство над жанром, весёлый глаз, обращённый на самих себя и на соседа, даёт ощущение независимости и свободы. У них нет ходячих предрассудков и представлений, так же точно, как у математиков и физиков. Они ближе к этим последним, чем к «социалистическим реалистам». Плодотворное обнажение приёма, отстранение. Их родоначальник – молодой Каверин, если даже они и не знают об этом.

7 декабря

Наше новое правительство начало свою деятельность с умеренных либерально-революционных мероприятий. Колхозникам даны приусадебные участки в сорок соток; диктатура Лысенко в биологии свержена; Тимирязевская академия восстановлена в своих правах; в передовой “Правды” был намёк на то, что нельзя «озорничать с Академией Наук»; несколько литературных подонков получили по заслугам. Может быть, ещё что-нибудь произошло того же типа... Хорошо это? Очень даже хорошо! Почему же в результате одно только недоумение? Почему? Потому что ни в чём нет уверенности, нет линии, которая

наметилась бы определённо. Все эти признаки судорожны. Как будто действует кто-то, внезапно проснувшийся и спросонок побежавший босиком к давно не открывавшемуся окну. Он откроет форточку, начнёт чихать, испугается простуды и сразу её захлопнет и тогда уж всё пойдёт своим привычным ходом. Найдутся новые подонки чтобы восхвалять этот привычный ход, а отсюда уже десять шагов до нового культа.

8 декабря

Всё-таки статья о Бодлере у меня пошла неплохо. Главная часть вырисовывается ясно, а материала вокруг да около накоплено изрядно. <...> Мне легче и интереснее переводить восьмисложные французские ритмы, чем двенадцатисложные александрины. Эткинд объясняет это тем, что в первых больше движения. Для 12-сложных мне не хватает мыслей и синтаксиса. Сложный синтаксис враждебен русской поэзии. Единственный русский поэт, преодолевший обилие придаточных предложений, – Лермонтов, но с конца 30-х годов он ушёл от этого строя. Он преодолевал тем, что громоздил эпитеты.

9 декабря

Двигаю статью о Бодлере вовсю. Веня Каверин¹⁹⁵ в ответ на «Четвёртое измерение» прислал мне книжку своих новых рассказов, вышедшую в прошлом году. Три из четырёх были для меня полной новинкой, а один из них, «Семь пар нечистых», кроме того и понравился чрезвычайно. Он связан с первыми днями войны: Север, Мурманск, флот, группа заключённых, в основном уголовников, на корабле, попавшем в драматическую переделку, разбомблённом немцами. Очень своеобразное сочетание Стивенсона с ... Львом Толстым. Написал Каверину письмо. Странно сложилась наша когда-то очень интенсивная дружба в послевоенные годы. Мы совсем потеряли друг друга. Это ужасно и в большой степени непоправимо. Но письмом я сделал попытку поправить дело.

10 декабря

А девятого вечером, как и предполагалось, был вечер поэзии в ЦДЛ. Я председательствовал. Трое из объявленных не явились: М. Алигер, Яшин и Б. Ахмадулина. Со стороны Беллы это полнейшее безобразие, потому что она несколько раз обещала прибыть. Зато нагнали каких-то молодых и чудовищно неграмотных поэтов. Единственный поддержал меня Д. Самойлов и публика немедленно оценила его.

13 декабря

Пришёл я к Нагибиным, чтобы серьёзно поругаться с Беллой по поводу её отсутствия на вечере. Но она сразу обезоружила меня жалобами на болезнь, на ужасную боль в солнечном сплетении, которую врачи считают неврастенической. Вообще, всем нам, старым и молодым одинаково, жизнь даётся тяжело. Если это не унижение внешнее, то тоска изнутри. Чеховские персонажи жили и ныли, мы живём и уничтожаемся, сами того не замечая. Причина не в социалистическом строе (добро бы, если только он!), а в самом феномене человеческого общества.

14 декабря

<...> Итак, отдал в УОАП (Управление по Охране Авторских Прав. – Сост.) своё заявление по поводу Т. Г. Гнедич – о повышении ей гонорара в Гослите за переиздание перевода Дон Жуана.

Вечером читательская конференция в Доме учёных. Народу довольно много. Рассматриваю присутствующих: седины, старушки в очках, кое-какая молодёжь, тоже в очках. Сказал несколько вступительных слов и передал слово Иг. Строганову. Он вспоминает глупости давних тридцатых годов, милые, но скучноватые. Лесневский делает умный, зотя и недоходчивый доклад. Я прочёл много стихов. Засим выступают читатели. Хвалят, но боже мой, какое безграничное невежество! С каждым годом оно угрожающе растёт на глазах. Был Толчанов¹⁹⁶. Была Майка, Луконин.

15 декабря

Из Дома учёных звонили в наше бюро пропаганды, благодарили за вчерашний вечер: считают его лучшим из всех. Какие же были эти «все»?

20 декабря

Итак, с Бодлером покончено. Это – своего рода этап, непредвиденный, неожиданный. В нём были свои тревоги, колебания, но и удовольствие тоже было немалое: погрузиться с головой в чужой и порядком чуждый мир и всё-таки вытащить оттуда хоть мелкий отголосок своего!

Ещё в Москве нашёл старенькие свои записные книжки 27-29 годов.¹⁹⁷ Извлекаю оттуда некоторые вещи, которые мне могут пригодиться. Часов в 10 вернулся на Пахру в беспокойстве, потому что днём Зоя очень сильно порезала руку стамеской и потеряла много крови. Сегодня весь день заново перепечатывал статью о Бодлере. <...>

21 декабря

Вчерашний вечер Дня поэзии в клубе на Кировской (в том самом доме, который достраивал Корбюзье) оказался довольно интересным. Сначала мне показалось, что аудитория вполне грамотная и отзывчивая. Однако, отзывалась она исключительно на скверные стихи, отнеся к ним и вполне хорошие: Вл. Корнилова¹⁹⁸, Самойлова, Ник. Ушакова¹⁹⁹, Поженяна²⁰⁰, ещё чьи-то... Я устроил Ушакову маленькое торжество. Прочёл его восьмистишие: «Пока владеют формой руки...» и в порядке викторины задал вопрос аудитории: чьи это стихи? Немедленно какой-то парень в очках выпалил: «Ушакова!», – за что и получил в подарок его книжку. Вообще мне пришлось много острить и всячески развлекать этих разнопёрых работников Бауманского района.

22 декабря

Н.Тихонов прислал мне свою книгу «Двойная радуга». Это воспоминания о многих ушедших людях, среди них и наши общие друзья: Луговской, Фадеев²⁰¹, Самед²⁰². Я как-то медлил читать её. Несколько дней назад начал и не мог оторваться! Это замечательная

книга. Какая бешеная память, сколько повидал на своём веку этот блаженный старик, сколько странствовал, сколько говорил без умолку сам и сколько слушал других... Кажется, о книге ещё ничего не писали. Странно. Помимо прочего, это и настоящая русская проза. Сплав Марлинского, Тургенева, Лескова.²⁰³

24 декабря

Мои стихи конца двадцатых годов, которые я сейчас понемногу восстанавливаю, сильные и сплошь нецензурные, как тогда, так и теперь. Это значит, что я начинал дорогу, которую вынужден был не продолжать. Как это случилось в точности, забыл, но могу хорошо представить себе. Жалеть ли об этом? Разве только в сослагательном наклонении (если бы да кабы...), но оно противопоказано в любых воспоминаниях. Всё равно делу не поможешь. Жизнь прошла так, как должна была пройти. Из меня вышло то единственное, что могло выйти в эту, а не в другую эпоху.

25 декабря

В четверг в Гослитиздате статья о Бодлере принята на ура и, наверно, её не придётся сокращать. Переводы я тоже сдал, так что с этим покончено. Весь цикл «Парижских картин» (Бодлера) послан Коле Брауну. Говорил ещё раз (этажом ниже) о своём двухтомнике. С меня требуют уже сейчас подробного и точного содержания обоих томов – с тем, чтобы знать листаж.

26 декабря

Составил содержание двухтомника. Состав его увеличен на пять тысяч строк примерно, что составляет около семи печатных листов.

Заметка о преподавании русского языка в школе идёт в «Литературной газете». Не позже вторника. И ещё два дела сегодня: небольшая статейка для нового года для «Московской правды» (заказ) плюс статейка о «пользе знания иностранных языков» для какого-то соответствующего журнала. <...>

28 декабря

Уже написав статью об иностранном языке, я обнаружил, что не имею понятия о том, какой собственно журнал мне её заказал. В СП помогли найти, что действительно существует журнал «Иностранные языки в школе». Я позвонил наугад, но не выяснил, оттуда ли был звонок. Говорил с зам. редактора (фамилия его Бессмертный!) Он попросил, чтобы я почтой отправил статью. Пришлось так и поступить: бутылка со статьёй брошена в океанскую пучину. <...>

30 декабря

Несколько дней тому назад получил письмо от англичанина из Оксфорда, который стажуруется в МГУ: пишет работу о Есенине. В письме три вопроса:

1) Кого из русских и советских поэтов вы любите, цените, кто оказал на вас влияние.

- 2) Как вы относитесь к поэзии Есенина.
- 3) Роль Есенина в развитии русской, советской поэзии.

Письмо на хорошем русском языке, но может быть и переведено кем-нибудь для него. Я ответил и, отвечая, заново додумал своё отношение к Есенину. Пока он был жив, он казался мне чужим и чуждым поэтом, человеком с другой планеты. Эта планета – деревня. Его трагическая гибель потрясла меня и раскрыла Есенина в ином ракурсе, в багровом освещении. Когда писал своего Вийона (значительно позже), я в какой-то мере оглядывался на бездомность и неприкаянность Есенина во всей культуре. Теперь (на старости лет) ясно вижу, что Есенин вырастает выше для каждого следующего поколения: его поют!

Это самый важный признак его значения. Он возвращает поэзию к её первоисточникам, когда поэзия сначала звучала, и гораздо позже, через много веков, её стали читать глазами.

Так примерно я ответил. Зовут моего корреспондента Гордон Маквей²⁰⁴.

31 декабря

Из статьи французского физика Дюпро: «Не заблуждаются ли уже некоторые учёные об антивремени? Физики не отрицают возможности движения вне времени, а более смелые – даже возможности совершать путешествия в прошлое. Пока это чисто теоретические исследования...» («За рубежом», 25.XI.64). Очень соблазнительно окончить этой цитатой дневник за год, который сегодня заканчивается.

Каким же он был? Достаточно ли перелистать эту книжку, чтобы оценить его? Или главное осталось вне записанного наспех? Или, может быть, не нужны все эти вопросы и гадания? И вообще, может быть, «год» есть фикция, вполне условный отрезок времени, два метра с четвертью, чтобы сшить пиджак и брюки, не более того?

Так нет же! Всё равно мы живём в мире принятых условностей. Они существуют реально, коль скоро приняты.

Сим подтверждаю: 1964 был хорошим годом.

Комментарии

- ¹ Голосовкер Яков Эммануилович (1890-1967) – философ, писатель, переводчик.
- ² Тодорский Александр Иванович (1894-1965) – советский военный деятель, писатель. Автор одного из первых списков репрессированных военачальников..
- ³ Ахмадулина Белла Ахатовна (имя при рожд. Изабелла; 1937-2010) – поэт, переводчик, ученица П.Г.А. Была членом комиссии по литературному наследию П.Г.А.
- ⁴ Васильев Юрий Васильевич (1925-1990) – скульптор, график, живописец, театральный художник. Участвовал в выставке «30 лет МОСХ», разгромленной главой правительства Н.С.Хрущёвым (1962).
- ⁵ Тоом Андрей Леонович (1942-) – математик, педагог, литературовед; внук П.Г.А., секретарь комиссии по его литературному наследию. Автор публикаций «Павел Антокольский. Военная проза» («Вопросы литературы», 1985. №25), составитель двухтомника «Избранные произведения» П.Г.Антокольского (1986) и книг «Воспоминания о Павле Антокольском» (1987), «Далеко это было где-то...» (2011), "Да здравствует путь!.. (сер. "Великие поэты", 2013).
- ⁶ Фиш Геннадий Семёнович (1903-1971) – писатель.
- ⁷ Кузьминский Константин Константинович (1940-2015) – поэт; эмигрировал в США (1975). В 1976-77 годах, будучи профессором университета в Остине, шт. Техас, подготовил и выпустил девятитомную антологию новейшей неформальной русской поэзии «Голубая лагуна».
- ⁸ В 1958 г. П.Г.А. побывал во Вьетнаме с культурно-политической миссией по заданию руководства страны. В память об этой поездке остались переведенный им томик стихов первого президента северного Вьетнама Хо Ши Мина, путевой очерк «Сила Вьетнама» (См *Собрание сочинений. Том 4, М.: «Художественная литература». 1973. Стр. 257-318*) и дружба с молодыми вьетнамскими поэтами.
- ⁹ Кафка, Франц (1883-1924) – немецкоязычный писатель, жил в Чехии.
- ¹⁰ Книпович Евгения Федоровна (1898-1988) – критик, литературовед, исследователь зарубежной литературы; Рюриков Борис Сергеевич (1909-1969) – литературный функционер, зам. зав. отделом культуры ЦК КПСС (1955-1963), главный редактор журнала «Иностранная литература» (1963-1969).
- ¹¹ Моравиа, Альберто (фам. при рожд. Пинкерле; 1907-1990) – итальянский прозаик, журналист, представитель неореализма XX века.
- ¹² Антокольская Наталья Павловна (1921-1981) – художница, дочь П.Г.А. от первого брака. Её прозвали Кипсой, потому что когда она родилась, мать взглянув на неё, сказала: «Это – не ребенок, а кипса какая-то».
- ¹³ Камвольная фабрика г. Троицка располагалась в нескольких километрах от дачного писательского поселка на Пахре.
- ¹⁴ Ницше, Фридрих Вильгельм (1844-1900) – немецкий мыслитель, филолог, поэт, композитор.
- ¹⁵ Левик Вильгельм Вениаминович (1906-1982) – переводчик с английского, французского, немецкого; Любимов Николай Михайлович (1912-1992) – переводчик с французского и испанского; Мендельсон Феликс Львович (1926-2002) – переводчик с французского; Алигер Маргарита Иосифовна (фам. при рожд. Зейлигер; 1915-1992) – поэт, переводчица; ученица П.Г.А.

-
- ¹⁶ Штабс-капитан Рыбников, персонаж рассказа А.И. Куприна (1870-1938), – японский агент в России во время Русско-японской войны. Проводя аналогию, П.Г.А. подразумевал, что секретарь французского посольства при всем его внешнем расположении к СССР все-таки – идеологический противник.
- ¹⁷ Тоом Екатерина Леоновна (1958-1994) – внучка П.Г.А.
- ¹⁸ Бажанова Анна Васильевна – мать З.К.Бажановой, теща П.Г.А..
- ¹⁹ Прут Иосиф Леонидович (1900-1996) – журналист, драматург, сценарист.
- ²⁰ Стефанова Лиляна (рожд. 1929) – болгарская актриса, режиссёр, поэт, переводчица, детская писательница. П.Г.А. переводил её стихи на русский язык.
- ²¹ Бёлль, Генрих Теодор (1917-1985) – немецкий прозаик, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1972). В своих произведениях рассказывал о социальных и моральных последствиях войны, об истории Германии XX века.
- ²² Блок Александр Александрович (1880-1921) – поэт, прозаик, драматург, публицист, литературный критик, представитель русского символизма.
- ²³ Фефер Исаак Соломонович (имя при рожд. – Ицик; 1900-1952) – поэт, общественный деятель, ответственный секретарь Еврейского антифашистского комитета при Совинформбюро. Расстрелян вместе с другими деятелями еврейской культуры в СССР, реабилитирован (1955).
- ²⁴ Велле Гораций Аркадьевич (1909-1975) – инженер, участник французского Сопротивления. Первый переводчик на русский язык сборника очерков Экзюпери «Планета людей» (перевод Велле назывался «Земля людей», 1939).
- ²⁵ Сент-Экзюпери, Антуан Мари Жан-Батист Роже де (1900-1944) – гражданский, а в годы ВОВ – военный летчик; прозаик, поэт, эссеист, журналист.
- ²⁶ Роллан, Ромен (1866-1944) – французский писатель и общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1915). Иностраннный почетный член АН СССР (1932) «за высокий идеализм литературных произведений, за сочувствие и любовь к истине».
- ²⁷ Россельс Владимир Михайлович (1914-2000) – переводчик, критик.
- ²⁸ Тарковский Арсений Александрович (1907-1989) – поэт, переводчик.
- ²⁹ Блок Жан-Ришар (1884-1947) – французский прозаик, драматург, критик, общественный деятель.
- ³⁰ Верейский Орест Георгиевич (1915-1993) – график, иллюстратор, педагог; народный художник СССР.
- ³¹ Кеменов Владимир Семенович (1908-1988) – советский государственный деятель, историк искусства; учёный секретарь комитета по Сталинским премиям (1939-1953).
- ³² Убийство Кеннеди Джона Фицджеральда (1917-1963), 35-го президента США, продолжает оставаться самым громким политическим преступлением XX века.
- ³³ Кирсанов Семен Исаакович (фамилия при рожд. Кортчик; 1906-1972) – поэт, последователь В.В. Маяковского.
- ³⁴ Васильев Сергей Александрович (1911-1975) – поэт. Возглавлял отдел поэзии журнала «Октябрь» (начало 1960-х), член правления СП РСФСР (с 1965).
- ³⁵ Зелинский Корнелий Люцианович (1896-1970) – литературовед, критик, докт. филол. наук. В период правления И.В.Сталина – один из самых приближенных к власти литераторов. Своим

отрицательным отзывом закрыл возможность печататься М.И.Цветаевой после её возвращения в СССР (1940); участвовал в травле Б.Л.Пастернака (1958).

³⁶ Лесневский Станислав Стефанович (1930-1914) – литературовед, критик. Инициатор (вместе с П.Г.А.) поэтических праздников в усадьбе А.А.Блока в Шахматове. Был членом комиссии по литературному наследию П.Г.А.

³⁷ Соловьёв Борис Иванович (1904-1976) – прозаик, поэт, критик. Зам. гл. редактора изд-ва «Советский писатель» (с 1964).

³⁸ «Слепой играет на аккордеоне» – стихотворение П.Г.А., по всей вероятности, утерянное.

³⁹ Франко, Бруно (1887-1945) – немецкий прозаик, поэт, драматург; докт. философии и права.

⁴⁰ Матвеева Новелла Николаевна (1934-2016) – поэт, переводчик, драматург, литературовед; Мориц Юнна Петровна (рожд. 1937) – поэт, переводчик, сценарист, художница; Борисова Майя Ивановна (1932-1996) – поэт, прозаик, переводчик, журналист; Жирмунская Тамара Александровна (рожд. 1936) – поэт, переводчик, литературовед, критик, живет в Германии (с 1999); Королева Нина Валериановна (рожд. 1933) – поэт, канд. филологических наук.

⁴¹ Веселовский Александр Николаевич (1838-1906) – историк литературы, заслуженный профессор Петербургского университета, автор очерков об эпохе Возрождения.

⁴² Масс Владимир Захарович (1896-1979) – драматург, сценарист.

⁴³ Полевой Борис Николаевич (фамилия при рожд. Кампов; 1908-1981) – журналист, прозаик, киносценарист. Гл. ред. журнала «Юность» (1961-1981). Предс. правления Советского фонда Мира (1969-1981).

⁴⁴ Табидзе Тициан Юстинович (1895-1937) – поэт, переводчик, представитель грузинского символизма. Репрессирован и расстрелян (1937). П.Г.А. – один из переводчиков поэзии Т.Табидзе на русский язык.

⁴⁵ Сурков Алексей Александрович (1899-1983) – поэт, журналист; партийный функционер. Участвовал в травле Б.Пастернака (1949), А.И.Солженицына и А.Д.Сахарова» (1973).

⁴⁶ Гудзенко Семен Петрович (1922-1953) – поэт, ученик П.Г.А.; участник ВОВ.

⁴⁷ Гроссман Василий Семёнович (имя при рожд. Иосиф Соломонович Гроссман; 1905-1964) – писатель, журналист. Составитель (совм. с И.Г.Эренбургом) «Чёрной книги» – сборника свидетельств и документов о Холокосте (изд. в США, 1947; в Израиле, 1980).

⁴⁸ Гофштейн Давид Наумович (1889-1952) – поэт, переводчик, член Еврейского антифашистского комитета (годы ВОВ).

⁴⁹ Грибачев Николай Матвеевич (1910-1992) – прозаик, партийный функционер; секретарь правления СП СССР (1959-1991). Активный участник кампании космополитизма, направленной против деятелей советской литературы еврейского происхождения. См. также комментарии ко вступительной статье.

⁵⁰ Жданов Владимир Александрович (1898-1971) – литературовед, редактор, исследователь творчества Л.Н.Толстого. Организатор и работник Гос. музея Л.Н. Толстого в Москве.

⁵¹ Луговской Владимир Александрович (1901-1957) – поэт. Вместе с П.Г.А. был организатором и создателем антологии советской национальной поэзии.

⁵² Доризо Николай Константинович (1923-2011) – поэт, автор стихов к популярным песням к кинофильмам («Разные судьбы», 1956; «Дело было в Пенькове, 1957; «Простая история», 1960 и др.)

⁵³ Брэдбери, Рэймонд Дуглас (публ. под именем Рэй Брэдбери; 1920-2012) – американский прозаик, драматург; классик научной фантастики.

⁵⁴ Лем, Станислав Герман (1921-2006) – польский философ, футуролог, медик, писатель-фантаст, предвосхитивший создание виртуальной реальности и искусственного интеллекта.

⁵⁵ Робинзон Вивиан Абелевна (1910-1995) – актриса; жена И.Л. Андроникова.

⁵⁶ Чиковани Симон Иванович (1902-1966) – грузинский поэт, чьи стихи П.Г.А. переводил на русский язык; Чиковани Марика Николаевна (1904-1968) – его жена.

⁵⁷ Антокольская Надежда Григорьевна (1902-1985) – сестра П.Г.А.

⁵⁸ Щукин Борис Васильевич (1894-1939) – актер театра и кино, театральный педагог, младший коллега П.Г.А. по работе в Театре Е.Б.Вахтангова.

⁵⁹ Лакснесс, Халлдор Кильян (1902-1998) – исландский прозаик, лауреат Нобелевской премии по лит-ре (1955).

⁶⁰ Луговская Майя Леонидовна (имя при рожд. Быкова Елена Леонидовна; 1914-1993) – инженер, прозаик, поэтеса; вдова поэта Владимира Луговского.

⁶¹ Гнедич Татьяна Григорьевна (1907- 1976) – поэт, переводчик.

⁶² Каладзе Карло Ражденович (1904-1988) – грузинский поэт, прозаик, драматург, чьи произведения П.Г.А. переводил на русский язык. К.Каладзе, как и другие поэты национальных республик, сыграли в жизни П.Г.А. особую роль. Именно переводческая работа обеспечила ему прочное положение в советской литературе: он стал преподавать, появились ученики, возглавил секцию перевода В Союзе советских писателей.

⁶³ Ким Юлий Черсанович (публ. под псевд. Ю.Михайлов; род. 1936) – поэт, композитор, драматург, сценарист, участник диссидентского движения в СССР.

⁶⁴ Высоцкий Владимир Семёнович (1938-1980) – актер, поэт, бард. Слушая магнитофонные записи песен у соседей по дачному поселку, П.Г.А. поверил в легенду о Высоцком-каторжанине. Однако автором песен был Юз Алешковский (имя при рожд. Иосиф Ефимович Алешковский; род. 1929) – поэт, прозаик, сценарист, действительно проведенный в заключении несколько лет.

⁶⁵ Орлов Владимир Николаевич (1908-1985) – литературовед, критик; гл. ред. серии «Библиотека поэта» в изд-ве «Советский писатель» (1956-1970); Юнгер Елена Владимировна (1910-1999) – его жена, актриса Ленинградского Театра Комедии.

⁶⁶ Раневская Фаина Георгиевна (имя при рожд. Фанни Гиршевна Фельдман; 1896-1984) – актриса театра и кино. В английской энциклопедии «Кто есть кто» она вошла в список десяти самых выдающихся актрис XX века (1992).

⁶⁷ Фальк Роберт Рафаилович (1886-1958) – художник; Ахматова Анна Андреевна (1889-1966) – поэт; Уланова Галина Ивановна (1909-1998) – балерина; Комиссаржевская Вера Фёдоровна (1864-1910) – актриса; Дузе Элеонора (1858-1924) – итальянская актриса; Качалов Василий Иванович (1875-1948) – актёр.

⁶⁸ Маяковский Владимир Владимирович (1893-1939) – один из крупнейших поэтов XX века, футурист, представитель Серебряного века русской литературы; публицист, драматург, киносценарист, режиссёр, актер, оратор, художник, родоначальник советского рекламного плаката. Редактор журналов ЛЕФ («Левый фронт») и Новый ЛЕФ.

⁶⁹ П.Г.А. считал А.А. Блока своим учителем – прежде всего, в поэзии. Однажды, еще до революции, он гостил у родных в Петербурге и попал на выступление Блока в Тенешевском училище. Блок его потряс. Впоследствии П.Г.А. не раз шутя вспоминал, что ранние его стихи были

сплошь подражанием Блоку. Позже он занялся творчеством Блока как литературовед, а в старости отдал дань великому мастеру слова уже как историк литературы, став одним из организаторов ежегодных посвященных Блоку поэтических праздников в Шахматове.

⁷⁰ Речь идет о книге немецкого философа О. Шпенглера (1880-1936), изданной на русском языке – *Закат Европы. М.-Пг., 1923.*

⁷¹ «Чудное мгновенье» (1954), «Маяковский» (1956), «Пикассо» (1962) – стихи П.Г.А.

⁷² Попова Варвара Александровна (1899-1988) – театральная актриса. Окончила 3-ю студию МХТ (руководитель – Е.Б.Вахтангов) и до 1956 года работала в Театре им. Е.Б. Вахтангова. Играла в спектакле по пьесе Ф.Шиллера «Коварство и любовь», поставленном П.Г.А, О.Н.Басовым (1892-1934) и Б.Е.Захавой (1896-1976) в 1930 году.

⁷³ Гольц Галина Николаевна (фамилия при рожд. – Щеглова) – жена Гольца Георгия Павловича (1893-1946), советского архитектора и театрального художника, погибшего при невыясненных обстоятельствах, и сестра Н.Н. Щегловой-Антокольской (1895-1983), первой жены П.Г.А.

⁷⁴ Солоухин Владимир Алексеевич (1924-1997) – поэт, прозаик, представитель «деревенской прозы».

⁷⁵ Кашежева Инна Иналовна (1944-2000) – поэт, переводчица кабардинских поэтов, представитель «эстрадной поэзии» «шестидесятников», автор популярных песен «Опять плывут куда-то корабли», «Лунный камень» и др.

⁷⁶ Шатилов Владимир Михайлович – в прошлом шофёр П.Г.А.; в 1960-х часто приезжал на дачу Антокольских и помогал по хозяйству.

⁷⁷ Точка зрения П.Г.А. субъективна: он не знал фактической причины разрыва в семье соседей. О ней пишет В.П.Аксенов в своём романе *«Таинственная страсть. Роман о шестидесятниках»* (изд-во «Семь дней». Москва. 2009) и рассказывает А.Г. Нагибина, вдова писателя, в своем интервью газете «Собеседник», вышедшем 14 июня 2012 г. <http://sobesednik.ru/scandals/20120614-bellu-akhmadulinu-muzh-vygnal-iz-doma-za-lesbiiskii-seks>

⁷⁸ Твардовский Александр Трифонович (1910-1971) – поэт, прозаик, журналист. Глав. ред. журнала «Новый мир» (1950-1954; 1958-1970).

⁷⁹ Матусовский Михаил Львович (1915-1990) – поэт, автор стихов к популярным песням «Подмосковные вечера», «Московские окна», «На безымянной высоте» и др., ученик П.Г.А. См. также комментарии к дневникам за 1943 г.; Евгения Акимовна (1917-2015) – его жена.

⁸⁰ Каладзе Гюльнара – грузинский искусствовед и исследователь творчества Нико Пиросмани (1862-1918).

⁸¹ Виноградов-Мамонт Николай Глебович (1893-1967) – драматург, театральный деятель, мемуарист.

⁸² Бажан Николай Платонович. См. также комментарии к дневникам за 1943 г.

⁸³ Шаляпин Федор Иванович (1873-1938) – оперный и камерный певец (высокий бас), солист Большого и Мариинского театров (Россия) и Метрополитен-оперы (США). Постановлением Совнаркома РСФСР лишён советского гражданства – за пожертвования русским эмигрантам (1927); восстановлен в гражданстве посмертно (1980).

⁸⁴ Кравченко Игорь Георгиевич (1936-) – военный врач, служивший на Тихоокеанском флоте (до 1977), поэт, педагог.

⁸⁵ Бродский Иосиф Александрович (1940-1996) – русский и американский поэт, эссеист, переводчик, драматург, лауреат Нобелевской премии по лит-ре (1987), поэт-лауреат США (1991-1992). В 1964 г. в Ленинграде был незаконно обвинён в тунеядстве и приговорен судом к пяти годам принудительного труда в отдаленной – Архангельской – области. По прошествии полутора лет освобожден благодаря давлению советской и мировой писательской общественности (письма, ходатайства, хождения по инстанциям). По требованию КГБ покинул СССР (1972). Вся последующая жизнь прошла в эмиграции.

⁸⁶ Чуковский Корней Иванович (имя при рожд. Николай Васильевич Корнейчукóв; 1882-1969) – детский писатель, поэт, переводчик, критик, журналист. Отличался независимостью мнения и имел огромный неформальный авторитет в среде писателей.

⁸⁷ Маршак Самуил Яковлевич (1887-1964) – детский писатель, поэт, драматург, переводчик, критик, сценарист.

⁸⁸ П.Г.А. не вполне точно излагает произошедшие события. К.И.Чуковский и С.Я.Маршак действительно прислали в защиту поэта Бродского письма на первое заседание суда, состоявшееся в Ленинграде в феврале 1964 г. Но, по свидетельствам очевидцев, судья Савельева не позволила З.Н.Топорóвой, защитнице Бродского, огласить эти письма. См. *Судилище. Публикация А.А.Раскиной. «Огонёк», № 49. 1988.*

⁸⁹ Эткинд Ефим Григорьевич (1918-1999) и Адмони Владимир Григорьевич (1909-1993) – известные теоретики художественного стихотворного перевода, профессора Ленинградского педагогического института им. Герцена, высоко отозвались на суде о даровании И.А.Бродского, но их мнения были судом проигнорированы.

⁹⁰ Сноу, Чарльз Перси (1905-1980) – английский прозаик, физик, государственный деятель.

⁹¹ Копьетряс – буквальный перевод с английского на русский язык фамилии Шекспир (shake - тряска, sreak - копьё).

⁹² Нефертити (1370-1330 до н.э.) – главная супруга древнеегипетского фараона Нового царства Эхнатона; символ красоты и изыска́нности в древнеегипетской культуре.

⁹³ Винокуров Евгений Михайлович (1925-1993) – поэт.

⁹⁴ Солоухин Владимир Алексеевич (1924-1997) – поэт, прозаик, представитель «деревенской прозы».

⁹⁵ Некрасова Ксения Александровна (1912-1958) – поэт, мастер «белого стиха».

⁹⁶ Шкловский Виктор Борисович (1893-1984) – прозаик, литературовед, критик, киновед и киносценарист; основоположник формальной школы в литературоведении.

⁹⁷ Дмитрий Николаевич Журавлёв (1900-1991) – актер, мастер художественного слова, режиссер, педагог.

⁹⁸ Кóзинцев Григорий Михайлович (фамилия при рожд. Козинцóв; 1905-1973) – режиссер кино и театра, сценарист, педагог.

⁹⁹ Смоктуновский Иннокентий Михайлович (фамилия при рожд. Смоктунович; 1925-1994) – актер театра и кино.

¹⁰⁰ Андреев-Кривич Сергей Алексеевич (1906-1973) – канд. филол. наук, литературовед, переводчик; директор Московского литературного музея им. А.С.Пушкина.

¹⁰¹ Чудаков Александр Павлович (1938-2005) – филолог, литературовед, прозаик, специалист по творчеству Чехова.

¹⁰² Фальконе, Этьен Морис (1716-1791) – французский скульптор, создавший памятник Петру I «Медный всадник» на Сенатской площади в Санкт-Петербурге (1782). Памятник назван по одноименной поэме А.С.Пушкина, хотя изготовлен из бронзы.

¹⁰³ Копелев Лев Зиновьевич (имя при рожд. Копелевич Лев Залманович; 1912-1997) – критик, литературовед (германист), переводчик; участник противозащитного движения в СССР. В 1981 г. лишен советского гражданства, жил в эмиграции (Германия).

¹⁰⁴ Мальцев Елизар Юрьевич (имя при рожд. Елизарий Логгинович Мальцев; 1917-2004) – прозаик, романист, представитель «деревенской прозы».

¹⁰⁵ Ленч Леонид Сергеевич (1905-1991) – писатель-юморист; Наровчатов, Сергей Сергеевич (1919-1981) – поэт, критик, журналист; Драгунский, Виктор Юзефович (1913-1972) – прозаик, детский писатель; Снегова Ирина Анатольевна (1922-1975) – поэт, переводчик.

¹⁰⁶ Всеволод Анисимович Кочетов (1912-1973) – прозаик, представитель «секретарской литературы»: публиковался, используя своё влияние административно-партийного функционера. Редактор журнала «Октябрь» (с 1961) и главный оппозиционер А.Т.Твардовскому и журналу «Новый мир».

¹⁰⁷ Мерль, Робер Жан Жорж (1908-2004) – французский прозаик, прозванный «Дюма XX века» благодаря своим историческим романам-бестселлерам о Франции XVI-XVII веков.

¹⁰⁸ Окуджава Булат Шалвович (1924-1997) – поэт, прозаик, бард. П.Г.А. выступал в печати в защиту песен Окуджавы: «Неужели опять, как это случилось по многим другим поводам, нам возразят, что песни Окуджавы имеют успех исключительно у „отсталых“ слоев советского общества? Неужели у нас так много отсталых слоев?..» См. *Антокольский Павел. Отцы и дети. «Литературная газета». 1962. 11 декабря. № 146.* На эту статью последовала крайне негативная реакция партийно-административного руководства – с проработками П.Г.А. в партбюро Союза СП. В знак благодарности и солидарности Окуджава прислал ему письмо в стихах. См. *Павел Антокольский. Дневник. 1964-1968. Санкт-Петербург. Изд-во «Пушкинский фонд». 2002. С.115.*

¹⁰⁹ Тарасёнков Анатолий Кузьмич (1909-1956) – литературовед, критик, поэт, библиофил, собравший огромную коллекцию русской поэзии первой половины XX века. В связи с ним в семье Антокольских вспоминали анекдотичный случай. Однажды Тарасенкову поручили написать статью о творчестве П.Г.А. и он пришел к нему в гости для разговора, а побеседовав заключил: «Стихи ваши мелко-буржуазные». Зоя Константиновна, которая находилась в соседней комнате, услышав это, вошла к ним и с обидой сказала: «Ладно, пусть буржуазный. Но во всяком случае не мелкий. Он не мелкий, а крупный!». П.Г.А. и Тарасенков переглянулись и рассмеялись.

¹¹⁰ Рукописная книга «Дом друзей» включает в себя более полусотни посвящений П.Г.А. от его коллег и учеников из СССР и Болгарии: стихи, юморески и экспромты (1947-1976). Фрагменты этой книги представлены среди иллюстраций к наст. дневникам.

¹¹¹ Недогонов Алексей Иванович (1914-1948) – поэт, ученик П.Г.А. – в Литературном институте им.Горького учился в поэтическом семинаре П.Г.А. Участник двух войн: Советско-финской и ВОВ, которые он прошел как воин и журналист.

¹¹² Выражение «...от Недогонова и Гудзенко до Беллы и Булата Окуджавы» означает от поэтов-фронтовиков до поэтов-шестидесятников. (Б.Ш.Окуджава следует отнести к обеим группам).

¹¹³ Халифман Иосиф Аронович (1902-1988) биолог, писатель-натуралист, автор научно-популярных трудов о насекомых, среди которых книга «Пчелы», отмеченная Сталинской премией (1951). Евгения Николаевна Васильева (1923-1989) – его жена и соавтор.

¹¹⁴ Ромм Михаил Ильич (1901-1971) – кинорежиссёр, постановщик фильмов «Пышка», «Убийство на улице Данте», «Девять дней одного года» и др.

¹¹⁵ Матусовская Елена Михайловна (1945-1979) – старшая дочь М.Л.Матусовского и Е.А.Матусовской (1917-2015), поэт, художница, искусствовед – специалист по американской живописи. С рождения страдала тяжелым пороком сердца.

¹¹⁶ В мировой истории они «пересеклись»: великий английский драматург Вильям Шекспир (1564-1600) и царь Иван Грозный (1530-1584). Периоды их жизней пусть не полностью, но совпали. Потому так увлекла П.Г.А. идея «столкнуть» в одном произведении двух современников – англичанина Шекспира и русского Копьетряса, свидетеля страшного террора на Руси. П.Г.А. считал, что Шекспира, превосходного живописца человеческих страстей и пороков, несомненно, заинтересовал бы русский тиран Иван Грозный.

¹¹⁷ Светлов Михаил Аркадьевич (фамилия при рожд. Шейнкман; 1903-1964) – поэт, драматург. Его стихотворение «Гренада», положенное на музыку многими композиторами разных стран, принесло ему мировую известность.

¹¹⁸ Врубель Михаил Александрович (1856-1910) – художник-символист, работавший практически во всех жанрах изобразительного творчества. Был женат на оперной певице (сопрано) Надежде Ивановне Забёле (1868-1913), солистке Мариинского театра в Санкт-Петербурге (1904-1911).

¹¹⁹ Головин Александр Яковлевич (1863-1930) – художник, иллюстратор, театральный художник.

¹²⁰ Ласкин Борис Савельевич (1914-1983) – поэт, прозаик, драматург, киносценарист, автор юмористических рассказов и интермедий. Среди наиболее популярных кинофильмов, снятых по его сценарию – «Карнавальная ночь» (совместно с В.Поляковым, 1956), В числе известных песен на его стихи – «Спят курганы тёмные» (муз. Н.Богословского) и «Три танкиста» (муз. Дм. и Дан. Покрассов).

¹²¹ Макашин Сергей Александрович (1906-1989) – литературовед, докт. филол. наук, редактор, один из руководителей издания «Литературное наследство».

¹²² Керам (имя при рожд. Курт Вильгельм Марек, 1915-1972) – немецкий журналист, известный популяризатор археологических открытий.

¹²³ 150-летний юбилей со дня рождения М.Ю.Лермонтова (1814-1841).

¹²⁴ Рембо́, Жан Никола́й А́ртюр (1854—1891) – французский поэт, которого считают предтечей наиболее значимых направлений поэзии XX века, участник Парижской коммуны. П.Г.А. был одним из первых переводчиков стихов Рембо на русский язык и исследователей его творчества. См. *П.Антокольский. Артю́р Рембо. Собр. соч. в 4 т. Т.3. М.: Изд-во «Художественная литература». 1972. С. 505-534.*

¹²⁵ Пушкиноведами страны при деятельном участии П.Г.А. заложена была традиция «пушкинских дней» в мемориальном музее-заповеднике в с. Михайловском Псковской области, где находилось родовое имение матери поэта. С тех пор каждый год в начале июня (6 июня – день рождения А.С.Пушкина) в Михайловском проводится Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии.

¹²⁶ Мандельштам Осип Эмильевич (1891-1938) – поэт, прозаик, переводчик, эссеист, критик, литературовед. Один из крупнейших русских поэтов XX века, представитель Серебряного века русской литературы.

¹²⁷ Ходасевич Владислав Фелицианович (1886-1939) – поэт, критик, мемуарист и историк литературы; С 1925 г. в эмиграции; стал ведущим литературным критиком русского зарубежья.

¹²⁸ Лифшиц Бенедикт Константинович (отчество при рожд. Нахманович; 1886-1938) – поэт, переводчик, исследователь футуризма.

¹²⁹ Юпп Михаил Евсеевич (фамилия при рожд. Смоткин; 1938-) – поэт русского зарубежья; библиофил.

¹³⁰ Плахетка, Иржи (1920-е – 2010-е) – чешский журналист, корреспондент чехословацкого телевидения, работавший в Москве в 1960-е годы. По возвращении в Прагу, заведовал изд-вом «Свет Советов», в котором занимались переводами и публикацией произведений русской и советской литературы.

¹³¹ На дачу к Антокольским приезжали Микоян Серго Анастасович (1929-2010) – историк-публицист и Хрущёв Сергей Никитич (1935-2020) – специалист по ракетно-космической технике, публицист, политолог, с 1991 г. проживавший в США.

¹³² Шагинян Мариетта Сергеевна (1888-1982) – поэт, прозаик, критик, ученица П.Г.А

¹³³ Федотов Павел Андреевич (1815-1852) – художник, представитель жанровой живописи.

¹³⁴ Большую часть жизни помимо литературы П.Г.А. занимался изобразительным творчеством – иллюстрировал произведения мировой классики и собственные поэмы.

¹³⁵ Речь идет о Е.А.Долматовском. См. также комментарии к дневникам за 1943 г.

¹³⁶ Кравченко Галина Сергеевна (1905-1996) – актриса театра и немого кино, вдова Александра Львовича Каменева (1906-1937), сына Л.Б.Каменева (1883-1936) и О.Д.Бронштейн, сестры Л.Д.Троцкого (1883-1941).

¹³⁷ Хемингуэй, Эрнест Миллер (1899-1961) – американский прозаик, журналист, лауреат Нобелевской премии по лит-ре (1954).

¹³⁸ Вагрина Валентина Григорьевна (1906-1987) – актриса театра им Е.Б.Вахтангова, подруга З.К.Бажановой; Осенев Николай Иванович (1909-1983) – её муж, художник.

¹³⁹ Симуков Алексей Дмитриевич (1904-1995) – драматург, киносценарист.

¹⁴⁰ Профилакторий Госстроя СССР располагался по соседству с дачным поселком «Советский писатель» («поселком на Пахре»).

¹⁴¹ Яков Семенович Рыкачев (фам. при рожд. Шихман; 1893-1976) – прозаик, критик, был активным членом РАППа, муж Ксении Алексеевны Каневской-Нагибиной, матери Юрия Марковича Нагибина (1920-1994).

¹⁴² Чаковский Александр Борисович (1913-1994) – прозаик, критик, журналист; главный редактор «Литературной газеты» (1964).

¹⁴³ Драматическая поэма П.Г.А. «Франсуа Вийон» (1934) посвящена памяти Евгения Богратионовича Вахтангова (1883-1922). Их связывало несколько лет совместной работы в театральной студии, которой Вахтангов руководил, а П.Г.А. работал в ней как актер и драматург.

¹⁴⁴ Лондон Теодор Исаакович (1914-1990-е) – актер и драматург. В 1930-х годах работал актером в Театре рабочей молодежи (ТРАМ) г. Горького, которым в те годы руководили З.К.Бажанова и П.Г.А., представители т-ра им. Е.Б.Вахтангова, взявшего шефство над этим молодежным театральным коллективом горьковского автозавода.

¹⁴⁵ Крепс Владимир Михайлович (1903-1984) – прозаик, автор сценариев игровых, документальных, научно-популярных фильмов и одной из самых популярных детских радиопередач – «Клуб знаменитых капитанов» (1945-1980).

¹⁴⁶ Московский союз художников – общественная организация, объединяющая художников Москвы. Образован с целью ликвидации в СССР независимых творческих объединений и создания централизованного органа управления художественной интеллигенцией (1932).

¹⁴⁷ Андроников Ираклий Луарсабович (фамилия при рожд. Андроникашвили; 1908-1990) – прозаик, литературовед, чтец, телеведущий.

¹⁴⁸ Стоянов Людмил (имя при рожд. Златаров Георгий; 1886-1973) – болгарский поэт, прозаик, драматург; Джагаров Георгий (1925-1975) – болгарский поэт и драматург, Барто Агния Львовна (фамилия при рожд. Вóлова; 1906-1981) – детский поэт, прозаик, киносценарист; Борис Абрамович (1919-1986) – поэт, переводчик.

¹⁴⁹ Глоба Андрей Павлович (1888-1964) – прозаик, поэт, драматург.

¹⁵⁰ Банников Николай Васильевич (1918-1996) – литературовед, критик, редактор газеты «Литературная Россия»; Озеров Игорь Вячеславович (1933-1987) – актер театра и кино, чтец, программы которого включали произведения А.С.Пушкина, Шекспира, стихи А.А.Блока.

¹⁵¹ Фадин Вадим Иванович (1936-) – поэт, прозаик, переводчик. С 1996 года живет в Германии.

¹⁵² Лановой Василий Семенович (1934-) – актер театра и кино; ученик З.К.Бажановой в театральном училище им. Б.Щукина; Абрикосов Григорий Андреевич (1932-1993), Толчанов Иосиф Моисеевич (фам. при рожд. Толчан; 1891-1981) и Этуш Владимир Абрамович (1922-) – актеры московского театра им. Е.Вахтангова.

¹⁵³ Дементьев Александр Григорьевич (1904-1986) – литературовед, канд. филол. наук, критик. В 1953-1955 годах и с 1959 – заместитель главного редактора (А.Т.Твардовского) в журнале «Новый мир».

¹⁵⁴ Роман В.Гроссмана «Жизнь и судьба» в 1961 году был конфискован КГБ. Копия романа, сохранённая С.И.Липкиным, после смерти автора была в виде микрофильмов вывезена на Запад и после их расшифровки опубликована в Швейцарии (1980). В СССР роман вышел с купюрами только во время «перестройки» (1988).

¹⁵⁵ Звягинцева Вера Клавдиевна (1894-1972) – поэт, переводчик.

¹⁵⁶ Лозовецкий Олег Степанович (1918-?) – друг П.Г.А., работник изд-ва «Художественная литература»; редактор книги «Медная лира. Французская поэзия XIX-XX веков в переводах П.Антокольского» (1970).

¹⁵⁷ Браун Николай Леопольдович (1902-1975) – поэт, прозаик, переводчик, ученик Гумилёва Николая Степановича (1886-1921).

¹⁵⁸ Прокофьев Александр Андреевич (1900-1971) – поэт, журналист; в 1945-1955-х годах и 1955-1965-х годах был ответственным секретарём Ленинградского отделения СП РСФСР.

¹⁵⁹ Переводы французской поэзии, сделанные П.Г.А., вошли в золотой фонд русского поэтического перевода.

¹⁶⁰ Друзин Валерий Павлович (1903-1980) – литературовед, критик, гл. ред. журнала «Звезда» (1947-1957); участвовал в гонениях на писателей М.Зощенко и А.А.Ахматову (1946).

¹⁶¹ Жаров Александр Алексеевич (1904-1984) – поэт, автор стихов к популярным песням «Взвейтесь кострами, синие ночи», «Ходили мы походами».

¹⁶² Смирнов Сергей Васильевич (1912-1993) – поэт, переводчик, пародист. По воспоминаниям современников, его стихи не были высокохудожественными, а вот антисемитом он был по призванию.

¹⁶³ Берггольц Ольга Фёдоровна (1910-1975) – поэт, прозаик, драматург, журналист.

¹⁶⁴ Полторацкий Виктор Васильевич (1907-1982) – поэт, прозаик, очеркист.

¹⁶⁵ Яшин Александр Яковлевич (фамилия при рожд. Попов; 1913-1968) – прозаик, поэт.

-
- ¹⁶⁶ Соболев Марк Андреевич (1918-1999) – поэт.
- ¹⁶⁷ Леонов Леонид Максимович (1899-1994) – прозаик, центральная фигура литературы соцреализма XX века.
- ¹⁶⁸ Смеляков Ярослав Васильевич (1913-1972) – поэт, критик, переводчик; прошел через плен (Советско-финская война, 1939-1941) и дважды – через сталинские лагеря и ссылку.
- ¹⁶⁹ Озерова Ирина Николаевна (1934-1984) – поэт, переводчик.
- ¹⁷⁰ Гамзатов Расул Гамзатович (1923 - 2003) – дагестанский поэт, ученик П.Г.А..
- ¹⁷¹ Кулиев Кайсын Шуваевич (1917-1985) – балкарский поэт и прозаик.
- ¹⁷² Капиев Эффенди Мансурович (1909-1944) – дагестанский поэт, прозаик, переводчик, литературовед; Наталия Владимировна Капиева (1909-2003) – его вдова; прозаик, драматург, переводчик, литературовед, критик.
- ¹⁷³ Печорин, Грушницкий, Мери – персонажи повести М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени» (1840).
- ¹⁷⁴ Герштейн Эмма Григорьевна (1903-2002) – литературовед, историк литературы, мемуаристка, в своей книге, подаренной П.Г.А., сделала надпись: «Павлу Григорьевичу Антокольскому от благодарного читателя его превосходной, современной и окрылённой статьи о Лермонтове в “Библиотеке поэта”. Э.Герштейн. 7.Х. 64».
- ¹⁷⁵ П.Г.А. не раз говорил о «несчастливых совпадениях» в биографии М.Ю.Лермонтова и в последующей истории России. Столетие со дня его рождения в 1914 году совпало с началом Первой мировой войны, а столетие со дня гибели в 1941 году – с началом Второй мировой войны. Этим П.Г.А. объяснял тот факт, что ни одна из памятных лермонтовских годовщин не стала всенародным чувством, и научные итоги изучения его творчества очень долго не были подведены.
- ¹⁷⁶ Хрущёв Никита Сергеевич был смещён в результате заговора против него других членов правительства СССР. См. также комментарии к дневникам за 1943 г.
- ¹⁷⁷ Аджубей Алексей Иванович (1924-1993) – журналист, публицист, главный редактор газет «Комсомольская правда» (1957-1959) и «Известия» (1959-1964); зять Н.С.Хрущева.
- ¹⁷⁸ Переписка П.Г.А. с Л.Первомайским длилась около 40 лет и содержала около ста очень искренних и лиричных писем, которые, по всей вероятности, были утрачены при подготовке их к публикации, так и не состоявшейся в 1990 году в «Вопросах литературы».
- ¹⁷⁹ Готье, Пьер Жюль Теофиль (1811-1872) – поэт и критик, принадлежавший к романтической школе.
- ¹⁸⁰ Все перечисленные переводчики, кроме П.Ф.Якубовича, – представители Серебряного века русской литературы.
- ¹⁸¹ Шершеневич Вадим Габриэлевич (1893-1942) – поэт, переводчик, один из теоретиков имажинизма. Его переводы «Цветов зла» Бодлера (1930) впервые были изданы в 2007 году.
- ¹⁸² Афанасьев Виктор Васильевич (1932-2015) – поэт, прозаик, литературовед, автор биографических книг о поэтах первой половины XIX века: К.Ф.Рылееве (1982), В.А. Жуковском (1986), М.Ю.Лермонтове (1991), вышедших в серии «Жизнь замечательных людей».
- ¹⁸³ Вигдорова Фрида Абрамовна (1915-1965) – педагог, журналист, прозаик; автор записи судебного процесса над Иосифом Бродским.
- ¹⁸⁴ Георгий Мокеевич Марков (1911-1991) – прозаик, общественный деятель, секретарь правления Союза писателей СССР (1964). Участник ВОВ (военкор).

¹⁸⁵ Воронков Константин Васильевич (1911-1984) – прозаик, драматург; секретарь правления Союза писателей СССР, назначенный на эту должность Комитетом Госбезопасности, ведал личными делами писателей. См. *Т.М. Горяева. Политическая цензура в СССР. 1917-1991. (История сталинизма). Москва: Российская политическая энциклопедия (Росспэн), 2009.*

¹⁸⁶ Речь идет о вступительной статье П.Г.А. к изданию *М.Ю.Лермонтов. Избранные произведения в двух томах. Сост. Б.М.Эйхенбаум. Москва-Ленинград: Большая серия Библиотеки поэта. 1964.*

¹⁸⁷ В 1964-м году Орфографическая комиссия, возглавляемая Виноградовым Виктором Владимировичем (1894-1969), предложила проект изменения русской орфографии с целью её упрощения. Проект принят не был: не состоялась не только сама реформа, но и обсуждение предложений.

¹⁸⁸ Ильин Виктор Николаевич (1910-1990) – секретарь по организационно-бытовым вопросам Московской организации Союза писателей СССР, генерал КГБ (сведения о его генеральском звании неточны). Был репрессирован (1943), реабилитирован (1954).

¹⁸⁹ Тевекелян Варткес Арутюнович (1902-1969) – партийный деятель. В молодости – боец отрядов ЧОН (частей особого назначения), выполнявших карательную функцию, помогавших советской власти бороться с контрреволюцией. Председатель Литфонда (1964).

¹⁹⁰ П.Г.А. был вдохновлён рассказами внука Андрея Тоома о реформе школьной математики, проведенной профессорами А.Н. Колмогоровым (1903-1987) и А.А.Ляпуновым (1911-1973). Создание в начале 1960-х годов в стране средних «школ с математическим уклоном», где наряду с рядовыми учителями преподавали математики-теоретики, было одним из самых ярких и успешных движений в истории российского-советского образования XX века. П.Г.А. мечтал подобным образом переустроить и школьное преподавание литературы. Однако на организацию такого проекта ему уже не хватало физических сил. В наши дни эту идею успешно проводит в жизнь журналист, публицист, прозаик Дмитрий Львович Быков (фамилия при рожд. Зильбертруд, род. 1967).

¹⁹¹ Грин Александр Степанович (фам. при рожд. *Гринеvский*; 1880-1932) – поэт, прозаик, представитель неоромантизма, автор популярного романа «Алые паруса».

¹⁹² Цыбин Владимир Дмитриевич (1932-2001) – поэт, прозаик, переводчик, критик, педагог. Входил в редколлегию журналов «Молодая гвардия» (1961-1966) и «Знамя» (1973-1979). С 1965 г. – член правления Союза писателей РСФСР, а с 1981 – Союза писателей СССР.

¹⁹³ Поликарпов Дмитрий Алексеевич (1905-1965) – советский партийный и государственный деятель, заведующий отделом культуры ЦК КПСС (1955—1962), (1965). Много лет руководил идеологией, возглавляя Радиокomiteт и занимая высокие административные посты в Союзе писателей (СП) СССР. Уже опубликованная поэма П.Г.А. «Сын», ставшая реквиемом по всем погибшим на фронтах ВОВ, по указанию Поликарпова была запрещена к трансляции по радио – Поликарпов не желал допустить знакомства с ней широких народных масс.

¹⁹⁴ Самойлов Давид Самуилович (фам. при рожд. Кауфман; 1920-1970) – поэт, переводчик.

¹⁹⁵ Каверин Вениамин Александрович (фам. при рожд. Зильбер; 1902-1989) – прозаик, драматург, сценарист, член литературной группы «Серapiоновы братья».

¹⁹⁶ Толчанов Иосиф Моисеевич (фамилия при рожд. Толчан; 1891- 1981) – актёр, режиссёр, педагог, коллега П.Г.А. по работе в Театре им. Е.Б.Вахтангова.

¹⁹⁷ По всей вероятности, эти записные книжки П.Г.А. утеряны.

¹⁹⁸ Корнилов Владимир Николаевич (1928-2002) – поэт, прозаик, критик. Выступал в поддержку писателей Синявского и Даниэля (1966), академика Сахарова (1977), за что был исключён из СП. Издавать его книги в СССР стали только во время «перестройки» (1986).

¹⁹⁹ Ушаков Николай Николаевич (1899-1873) – поэт, прозаик, переводчик на русский язык украинской поэзии.

²⁰⁰ Поженян Григорий Михайлович (1922-2005) – поэт, сценарист, автор стихов к популярным песням «Мы с тобой два берега у одной реки», «Если радость на всех одна» и мн. др. Отличался исключительно отважным характером. В 1949 году, когда П.Г.А., ложно обвиненный в «формализме» и «вредном влиянии» на молодое поколение, был уволен из Литературного института им. Горького, студент Гриша Поженян публично поддержал своего преподавателя. Был дважды исключен из института за поддержку опальных учителей и друзей.

²⁰¹ Фадеев Александр Александрович (1901-1956) – прозаик, общественный деятель; представитель социалистического реализма в литературе. Был одним из лидеров РАППа. В течение последних двух десятилетий своей жизни – до прихода к власти Н.С.Хрущёва – фактически руководил литературой в СССР.

²⁰² Вургун, Самед (имя при рожд. Самед Юсиф оглы Векілов; 1906-1956) – азербайджанский поэт, драматург, общественный деятель.

²⁰³ Бестужев-Марлинский Александр Александрович (1797-1837) – прозаик, критик, публицист эпохи романтизма; Тургенев Иван Сергеевич (1818-1883) – прозаик, поэт, переводчик, драматург эпохи реализма; Лесков Николай Семенович (1831-1895) – прозаик, публицист эпохи реализма. Все трое – признанные классики русской литературы XIX века.

²⁰⁴ Маквей, Гордон (род. 1941) в 1964 году находился в Москве по программе международного обмена учеными и проводил исследование творчества С.А.Есенина. В наст. вр. – профессор русской литературы в университете Бристоль в Англии; автор многочисленных статей и книг о жизни и творчестве С.А.Есенина, один из самых квалифицированных зарубежных специалистов по русской литературе и театру первой половины XX века.